

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

Новая классика жанра!
Новый бестселлер
от Грандмастера!

ПОСЛЕДНИЙ
ДЖИНС

Василий Головачев
Последний джинн
Серия «Не будите спящих
джиннов», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168340

*Василий Головачев. Последний джинн: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-29563-0*

Аннотация

Двадцать пять лет прошло со времени последнего столкновения "джинна" и моллюска. Вырос и стал безопасником сын Артема Ромашина и полюсидки Заримы, названный в честь героического прадеда Игнатом. Однако для Вселенной этот срок - капля в море времени. Мине изменился. В нем все так же есть те, кто хочет власти во что бы то ни стало, и те, кто готов отдать жизнь за счастье и спокойствие людей. И есть внеземные силы, которые, руководствуясь своей непостижимой логикой, готовы уничтожать звездные системы и галактики, не считаясь с их обитателями, на пути к цели. Что смогут им противопоставить люди? Кто на этот раз придет на помощь обитаемой галактике?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	26
Глава 4	50
Глава 5	74
Глава 6	96
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Василий Головачев

Последний джинн

Глава 1

НОВЫЙ ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП

Никто не получил никаких предупреждений. Все началось внезапно и абсолютно неожиданно – для тех, кто мог бы наблюдать этот процесс на безопасном расстоянии. Однако единственным независимым наблюдателем для данного домена Мультиверса мог быть только его Создатель. Если бы он существовал. Остальные разумные системы не имели такой возможности, а если и спохватывались в какой-то момент, спастись от внезапного космического катаклизма не успевали.

Катаклизм же никакого отношения к водным пространствам не имел и представлял собой процесс инфляционного расширения, скорость которого намного превышала скорость света.

Ударная волна зародилась в определенной точке пространства-времени и прынула во все стороны, разрушая любые попадавшие на пути материальные структуры. После нее не оставалось ничего, кроме «чистого» вакуума, да и

тот был «ложным», неустойчивым, поддерживающим процесс расширения колоссальными «отрицательными» давлениями.

Расширяющийся пузырь *полной* пустоты с каждым мгновением отвоевывал у Вселенной все новые и новые пространственные объемы. Из-за феноменальной скорости ударная волна фазового перехода вторгалась в пространство грозной стеной смерти. Ни световые сигналы, ни радиоволны, ни гамма-лучи, ни вообще какие бы то ни было причинные сообщения не могли опередить фронт ударной волны и предупредить живущих в этом метagalактическом домене существ о грядущей катастрофе. Впрочем, готовиться к ней было не только невозможно, но и бесполезно.

Внутри же самого расширяющегося пузыря изменялись до неузнаваемости все законы физики. Значения физических постоянных, величины фундаментальных взаимодействий и массы образующихся вслед за ударной волной элементарных частиц становились другими. «Старая» Вселенная с ее версией физических принципов, к тому же начавшая расширяться ускоренно, хотя и не с таким бешеным градиентом, внутри пузыря прекращала свое существование.

Одна за другой гасли звезды, попавшие под фронт ударной волны «вселенского потопа», превращаясь в прах, в излучение, в ничто. Гасли галактики. Тьма расползалась по космосу. В этой области Мультиверса росла странная «опухоль», внутри которой начинались процессы рождения *иных*

физических законов.

Однако по космологическим меркам пузырь иной метрики расширился недолго, всего одну триллионную от триллионной долю секунды. Хотя его диаметр к этому моменту вырос до двух миллиардов световых лет – по нашим человеческим оценкам. Какая-то чудовищная сила остановила процесс инфляционного расширения, опираясь на созданный ею обратный фазовый переход. Произошла необычная «аннигиляция» – не материи и антиматерии, но процессов противоположной направленности. И вновь образовавшийся пространственный пузырь – зародыш Метавселенной с иными свойствами – застыл на короткое время... чтобы затем, «прогнув» пространство «старой» Вселенной, стать объектом другой мерности, обладавшей свойствами начальной сингулярности...

Случилось это задолго до появления человеческой цивилизации.

Глава 2

СТАНДАРТНАЯ НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ

Красивая стоэтажная башня из стекла и цветных композиций на площади Жмудь-Самогитии, почти в центре Вильнюса, принадлежала широко известной в политических кругах мира организации НЕСПАСЕ – Новейшей Единой Системе Парламентской Ассамблеи Совета Европы. Год назад эта организация громко заявила о себе небывалой инициативой, призвав заселять «безлюдные» районы России, в основном на севере Сибири, выходцами из перенаселенных районов Африки, арабских стран и Китая. Вновь созданное еврокомиссарами правозащиты, большинство которых были жителями малых прибалтийских стран, информационное агентство «Каккало» и древнее Общество по возвращению оккупационного долга СССР (что это такое, не помнили даже сами политики) «Пуккало» рьяно взялись развивать идею и сумели заинтересовать многих радикально настроенных лидеров Европы, Азии и Африки, усмотревших в противодействии этому процессу со стороны России «ущемление» прав народов переселяться туда, куда им вздумается.

Разумеется, границы между государствами были давно упразднены, однако сами государства еще существовали, а

их правительства осуществляли функции управления, контроля и защиты коренного населения. В особенности это касалось передовых во всех отношениях стран, среди которых находилась и Россия. К две тысячи четыреста двадцать восьмому году ее население составляло более двухсот миллионов человек, иммигрантов среди них насчитывалось всего около семи процентов, и это вызывало у евролидеров лютую зависть и слюновыделение, так как сама Европа к этому времени была заселена в основном афроазиатами «под завязку». Во всяком случае назвать Париж, Лондон, Брюссель или Хельсинки «тихими» городами было уже нельзя.

Переселение началось еще в конце двадцатого века, опираясь на идеи «европейского антирасизма, равенства и братства», и уже в начале двадцать первого века французы, испанцы, немцы и англичане сполна вкусили этого «равенства», когда пришельцы с юга начали переделывать мир под себя, под свои обычаи, понятия и менталитет. С этими проблемами, только усугублявшимися из столетия в столетие из-за странных решений европейских правительств, Европа и дожила почти до середины двадцать четвертого века, породив властные структуры ненавистнического характера, которыми командовали деятели из наиболее уязвленных историей государств. Поэтому не стоило удивляться, что посреди Вильнюса выросло здание, целиком отданное НЕСПАСЕ и ее агентствам и обществам типа «Каккало» и «Пуккало». Последнее также занималось делами «политических бежен-

цев» из России. Не стоило удивляться и тому, что деятельностью данных организаций интересовались спецслужбы сопредельных стран и Земной Федерации в целом. Хотя об этом все они предпочитали молчать. Потому что стоило им или даже просто криминальной полиции прижать бандитов, кормящихся с подачек тех же «Каккало» и «Пуккало», как по всем каналам видеоинформа Солнечной системы поднимался вой «правозащитников»: спецслужбы ущемляют права человека!

Шестого мая в десять часов утра по времени Вильнюса Игнат Ромашин вошел в большой мраморный холл здания НЕСПАСЕ. Детекторы охранной системы здания не обнаружили в посетителе ничего опасного, как не отметили и никаких агрессивных или других негативных устремлений. Молодой человек приятной наружности, среднего роста по меркам двадцать четвертого века (что соответствовало одному метру девяносто одному сантиметру), с бледноватым открытым лицом и шапкой выгоревших до цвета соломы волос, падающих на широкие плечи, был одет в стандартный уник под «летний шрезингер», серого цвета, с искрой, и нес в руке коробку конфет. То, что это именно конфеты, интравизоры системы охраны установили точно. Они же выбросили зеленые сигналы на панель монитора главного инспектора безопасности, что говорило об отсутствии на теле парня какого-либо оружия. Браслет инкома с выходом на сеть Инсола – всеобщего Интернета Солнечной системы, оружием не яв-

лялся.

– Вы к кому, уважаемый господин, по какому делу? – возник рядом фантом ресепшн-офисера – вежливая молодая девушка в белом; говорила она по-литовски.

– Извините, я с жалобой, – стеснительно сказал Игнат по-английски. – Два дня назад я связывался с вашим представителем, меня обещали принять.

– Суть дела? – Девушка перешла на английский.

– Моя фамилия Пуустас, я художник. Мои предки жили в Кенигсберге... э-э, в Калининграде, имели там усадьбу. Я хотел переехать туда. Сейчас я живу в Санкт-Петербурге.

– Чего же вы хотите от нас? – не потеряла официальной вежливости девушка.

– Чтобы мне вернули имение предков, – простодушно сказал Игнат. – Власти России мне отказали, и я подал иск в Страсбургский суд по правам человека и в вашу организацию.

– К кому вы обращались?

– К госпоже Нярис. Она обещала принять меня в...

– Да-да, проходите. – Ресепшн-система здания очевидно получила ответ на запрос идентификатора, подтвердившего все, что говорил посетитель, и определившего его личность. – Идемте, я вас провожу.

Игнат двинулся за девушкой, оглядываясь по сторонам, демонстрируя естественное любопытство к интерьеру. На самом деле он прекрасно ориентировался внутри башни и знал

расположение всех кабинетов и залов.

Они сели в лифт с невидимыми стенками, который за пять секунд поднялся на двадцать первый этаж.

Посетителей в здании вообще было мало, но на этом этаже находилось некое оживление, и Игнат с интересом кинул взгляд на прибывающих в центральный холл этажа людей – мужчин и женщин в строгих костюмах.

Кольцевой коридор, опоясывающий центральный тубус башни с лифтами и лестницами, был залит ярким солнечным светом, льющим через прозрачные панели от пола до потолка. С высоты шестидесяти трех метров виден был весь Вильнюс, как его Старый город с костелами, ратушами, православными церквями, древними готическими особняками и узкими улочками, так и новейшие застройки Нового города, где улицы отсутствовали вовсе.

Небо с этой высоты казалось бездонно-синим, глубоким и зовущим, и лишь потоки мерцающей золотистой пыли, текущие над городом, – транспортные магистрали, – слегка портили впечатление, напоминая о современной цивилизации.

Мимо целеустремленно прошагала группа молчаливых мужчин.

Проводница Игната и он сам вынуждены были отступить к стене коридора.

– Извините, – проговорила девушка.

– Что это у вас сегодня, приемный день? – любопытствовал Игнат.

– Совещание, – коротко ответила она.

Игнат проводил взглядом мужчин, которые в конце коридора свернули к двери, ведущей в конференц-зал.

– Идемте.

Остановились перед одной из овальных дверей кремового цвета, с номером «11» на выпуклой верхней части.

Проводница отступила в сторону.

– Проходите, пожалуйста.

Дверь бесшумно разошлась множеством лепестков.

Игнат шагнул в кабинет.

Кабинет был пуст.

Девушка-офисер указала на стул у небольшого подковообразного стола:

– Присаживайтесь, пожалуйста. Чай, кофе, тоник?

– Спасибо, ничего не нужно.

– Госпожа Нярис будет через три минуты. Вам придется подождать.

– Конечно, я подожду.

Девушка-офисер исчезла.

Игнат сосредоточился на экстрасенсорном восприятии, однако ничего особенного в рабочем модуле госпожи Нярис не обнаружил. В данный момент за ним наблюдала одна миниатюрная видеокамера, не имеющая выхода на монитор охраны. По-видимому, управлялась она инком и выполняла некие подстраховочные функции, служа хозяйке кабинета дополнительным средством наблюдения за клиентом.

Игнат присел на краешек стула, положил руки на колени. Инк должен был видеть, что гость его госпожи робок и собирается терпеливо ждать, пока на него обратят внимание.

В ухе проклюнулся тонкий голосок рации «спрута»:
«Совещание начинается».

«Активирую съем», – мысленно ответил Игнат.

С его плеча поднялось в воздух бесплотное облачко нанитов,¹ струйкой устремилось к двери. Струйка нашла щель, просочилась в коридор и, никем не видимая и не ощущаемая, направилась под потолком коридора к двери в конференц-зал.

Перед глазами Игната развернулась полупрозрачная вуаль пси-передачи: коридор, человек, входящий в зал, еще один, у двери – охранник-офисер, и женщина, шагавшая по коридору со стороны конференц-зала.

Порядок, работает.

Кластер нанитов, представляющий собой диффузный видеозонд, скользнул в зал.

Стал виден амфитеатр зала, небольшой, но роскошный, с мягкими креслами, обитыми малинового цвета инплюшем. Ряды кресел полукругом охватывали небольшое возвышение с прозрачным столом, создающим иллюзию хрустальной глыбы. За столом сидели трое: две женщины и мужчина в лиловом унике официал-юриста. Остальные гости занимали

¹ Наниты – нанороботы; их размеры не превышают размеров нескольких десятков молекул.

передние ряды амфитеатра. Всего их было двадцать шесть человек, в большинстве своем женщины.

– Братья и сестры, – заговорила на английском одна из тех, что сидели за столом, пышноволосяя и пышногрудая блондинка. – Мы собрались, чтобы обсудить финансирование наших представительств и их положение в сопредельных государствах.

– В России, – уточнила ее соседка – брюнетка с некрасивым мужеподобным лицом.

– Прежде всего в России, – согласилась блондинка. – К сожалению, нам сильно мешают ее спецслужбы, в особенности УАСС и ГБ. Поэтому необходимо ввести в действие план по их ослаблению, разработанный нашим координатором по России.

– Детали я опущу, – начал осанистый, седовласый, с длинными баками джентльмен за столом. – В принципе эта идея давно пользуется заслуженной популярностью. Суть ее в том, что нужна провокация. А уж потом наши агентства и подконтрольные нам средства массовой информации раздут из этой искры пламя.

– Конкретнее, сэр Касьян, – кинул реплику еще один мужчина, устроившийся в переднем ряду кресел.

Седовласый картинно откинул со лба прядь волос.

Игнат узнал его: это был известный в России адвокат, бывший премьер-министр Касьян Недбытый, прозванный Недобитым. Но того, что он является координатором НЕСПАСЕ

в России, Игнат не знал.

– Конкретнее, – повторил Недбытый. – Российские власти неохотно дают разрешение иммигрантам на поселение. Даже в Сибири и на Крайнем Севере, не говоря уж о городах. Работу найти трудно, тем более что везде требуют специалистов. Поэтому молодые переселенцы не имеют возможности жить так, как хотят. Мы этим воспользуемся. В Карелии сейчас сформировалась крупная диаспора переселенцев из Афганистана. Нам пойдут навстречу и выделяют в наше распоряжение группу молодых башибузуков, которые...

В кабинет вошла смуглолицая женщина средних лет с короткой прической. У нее были крохотные глазки и узкие длинные губы, мерцающие голубой помадой. Это была Иоланта Нярис, ток-секретарь отдела внешних сношений НЕСПАСЕ.

Игнат встал, продолжая прислушиваться к речам в конференц-зале.

– Садитесь, садитесь, господин Пуустас, – махнула она рукой, устроилась за столом. – Мы получили ваши материалы. Дело весьма необычное и интересное. Расскажите подробнее, что происходит, как вы решились на судебную тяжбу с российскими чиновниками, как с вами работали властные структуры.

– Я тоже россиянин, – неловко прижал к груди ладонь Игнат, виновато улыбнулся. – Но мои предки были жмудинами и жили в...

Разумеется, это была «легенда», разработанная в недрах Управления внутренних расследований Службы безопасности, но она имела под собой хорошо отреставрированную документальную базу и не боялась проверок, ни внешних, ни внутренних. Игнат был уверен, что, прежде чем допустить его на прием к «правозащитникам» Ассамблеи, дело «о наследстве» было проверено очень тщательно. А поскольку его все-таки приняли к рассмотрению, социологи НЕСПАСЕ усмотрели в нем перспективу.

Госпожа Нярис выслушала речь заявителя с участливым выражением лица. Она была хорошим физиономистом, к тому же ей передали полный психологический портрет гостя, поэтому секретарь точно знала, какую линию поведения стоит поддерживать. Не знала она только одного: что посетитель на самом деле был агентом группы «Соло» Управления внутренних расследований Федеральной Службы безопасности. Это задание – подслушать и записать заседание руководства НЕСПАСЕ по активному внедрению в Россию «вируса раздора» – мог выполнить только он, человек, не только специально обученный и подготовленный, но и умеющий поддерживать пси-связь без всяких дополнительных электронно-торсионных устройств.

– Хорошо, попытаемся вам помочь, господин Пуустас, – пообещала секретарь. – Страсбургский суд принял ваше заявление?

– Конечно, решение будет принято в течение месяца.

– Очень хорошо! Мы согласуем предложения и дадим вам знать. В настоящее время вы проживаете в Калининграде?

– Нет, в Санкт-Петербурге. Жилая «гроздь» сто три...

– Я имею в виду, вы в ближайшее время не собираетесь в длительное путешествие по Системе? – Госпожа Нярис улыбнулась. – Как художник?

– Собирался на выставку голландских мастеров в Амстердаме, – расплылся в улыбке Игнат. – Но я оставляю вам свой мобильный.

– Мы вас разыщем.

– Огромное спасибо! – Игнат поднялся, сделал нечто похожее на книксен и пошел к выходу. Спohватился: – Ох, извините!

Вернулся в кабинет, протянул госпоже Нярис коробку конфет:

– Это вам.

– Положите на стол, – кивнула секретарь НЕСПАСЕ рассеянно: она уже разговаривала с кем-то по мобилу.

Игнат мог бы и дальше тянуть время, придумывая разные уловки для этого, но в конференц-зале главное уже было сказано, и оставаться в здании не было нужды.

Он вышел, неторопливо побрел к холлу с лифтами, ощущая на себе липкие взгляды видеокамер.

Кластер нанитов сделал свое дело, выбрался из конференц-зала, догнал его и всосался в ткань уника на плече, по-прежнему оставаясь невидимым для мощной системы дат-

чиков.

Через десять минут Игнат вышел из башни НЕСПАСЕ на площадь Адамкуса, сел в такси, и желто-полосатый куттер перенес его к шпилью общественного метро.

Никто за ним не следил. В этом Игнат был убежден, не ощущая на своей персоне никаких «печатей» внимания. Дезинформация, тщательно подготовленная специалистами УВР, сработала отменно, и в НЕСПАСЕ заявителя приняли как реально существующее физическое лицо.

Через минуту он был в Петербурге. Сел в такси, как обыкновенный пассажир, добрался до жилой «грозди» под номером сто три, висившейся над Финским заливом, неторопливо поднялся к себе на сорок девятый этаж.

Группа поддержки доложила, что «хвоста» не обнаружила, и он поблагодарил дежурного за классное сопровождение.

В небольшой стандартной квартире с динамическим интерьером, который можно было перестраивать в очень широком диапазоне форм, его ждали двое: отец Артем, выглядевший в свои пятьдесят с лишним лет максимум на тридцать, и начальник группы «Соло» Кирилл Бондарь, сухоощавый, крупноголовый, с костистым сухим лицом.

Игнат выдержал два вопросительных взгляда, переоделся в домашний фешн, налил себе березового сока, медленно выщедил.

Гости внимательно следили, как он это делает.

– Все нормально, – наконец сказал он. – Меня проверяли три раза, но операнд прошел без сучка и задоринки. Могу продемонстрировать запись.

– Показывай, – сказал Артем.

Сразу после рождения сына двадцать пять лет назад, которому он и Зари-ма дали имя деда – Игнат, Артем закончил Украинскую Юракадемию и с тех пор служил этик-юристом Управления внутренних расследований. В иерархии Службы безопасности его должность была второй после Директора, а следовательно, он был выше по званию командира группы «Соло», хотя формально и подчинялся ему.

Облачко нанитов, дремлющее на специально подготовленном «стартовом» поле уника, подчиняясь мысленному приказу Игната, покинуло свое пристанище, собралось в невидимую кластер-структуру, формируя своеобразный диффузный инк.

Эта наноструктура всосалась в гнездо эмкана на «шишке» вириала домашнего инка.

Стена гостиной напротив дивана, где сидели руководители СБ, обрела глубину и превратилась в объемный виом, внутри которого протаяла слегка подрагивающая панорама конференц-зала НЕСПАСЕ.

– Братья и сестры, – заговорила на английском языке блондинка за столом в центре зала. – Мы собрались...

Артем и Кирилл переглянулись.

– Это мы удачно зашли, – проговорил Бондарь с усмеш-

кой.

– Сама Мамаша, – кивнул Артем.

Блондинка была Президентом Ассамблеи, и то, что она лично приняла участие в совещании руководителей НЕСПАСЕ, говорило о важности поднимаемых проблем.

– Вы слушайте, а я пока искупаюсь. – Игнат направился в туалетный модуль, стаскивая на ходу футболку.

Когда он вернулся, гости о чем-то негромко беседовали, компьютер был выключен. Оба посмотрели на него.

– Хорошая бомба, – кивнул Артем на поигрывающую искорками «шишку» вириала инка. – Нам есть что предъявить деятелям НЕСПАСЕ. Так что объявляю благодарность за службу, поручик.

– Служу Отечеству! – вытянулся Игнат и страшно довольный сел напротив отца. – Хотя все это было несложно. Хвалить надо группу подготовки и сопровождения. Я почти ничем не рисковал.

– И ты отлично сработал, майор, – качнул головой Бондарь, посмотрев на старшего Ромашина, прищурился. – Вообще ваша фамилия стоит того, чтобы ее золотыми буквами вписали в анналы спецслужб.

– Не надо, – усмехнулся Артем. – Это секретная информация.

– Что правда, то правда, – согласился начальник группы «Соло». – И все же вы потомственные витязи русского Рода, всю жизнь сражавшиеся во имя его идеалов и традиций. –

Он посмотрел на Игната. — А насчет риска... мы дважды посылали агентов высокого класса в логово НЕСПАСЕ, и оба они провалились. Так что успех налицо. Ты достойный продолжатель дела отцов и дедов. Лидеры Ассамблеи спят и видят себя владыками России, продолжая пакостить нам всеми доступными им методами. Недавно они вызверились за то, что мы отказались от импорта их продуктов. Теперь, благодаря тебе, мы получили инструмент, который остудит самые горячие головы в Европе. Ты давно не был в глубинке отечества? В том же Магадане, к примеру?

Игнат неуверенно глянул на отца.

— Я бываю в Ярославле... в Каменке... это городок на Мезени.

— Там у нас родичи живут, — пояснил Артем.

— Ну, вот, неужели не видел, как там ведут себя переселенцы из Азии и с разного рода югов?

— Да я никуда не выхожу, — признался Игнат; Ромашин-старший усмехнулся. — Если не считать заповедника. Там места красивые.

— Домосед, значит? — удивился Бондарь. — Неужели не тянет к молодежи, в клуб какой-нибудь сходить?

— Я изредка бываю в «Бумеранге»...

Игнат имел в виду видеоигровой клуб.

— Он хороший эмпор, — сказал Артем. — Как-нибудь я покажу тебе галерею его скульптур. Что касается поведения переселенцев в России, то нечто подобное было и в Евро-

пе, во Франции и Германии, да и в Норвегии веком позже. Как говорится, Африка пришла в Европу и осталась там навсегда. Как и триста лет назад, и двести, и сто, Африка, Китай и арабские страны перенаселены и мечтают о покорении свободных территорий. Там, где появляются их этнические поселения, начинается уничтожение культуры аборигенов, и процесс этот очень болезненный. Перенаселенным государствам ООН предлагает программу иммиграции на другие планеты Системы, но они туда переселяться не хотят.

Бондарь кивнул.

– Не хотят начинать с нуля. Не хотят ни работать, ни обу-
страивать места жительства на новых территориях. А у нас
все уже обустроено, все работает, население мирное и доб-
рое.

– Можно и потеснить.

– Деятели НЕСПАСЕ пытаются выглядеть гуманнее анге-
лов.

– На самом же деле это волки в овечьей шкуре.

Оба посмотрели на Игната.

– Кстати, я пообещал госпоже Нярис быть в Амстердаме
в ближайшее время, – напомнил он.

– Не волнуйся, в Амстердаме будет господин Пуустас, ни-
чем не отличимый от тебя, – сказал Бондарь. – Мы позабо-
тимся об этом. До среды ты свободен. Готовится операция
по зачистке Серых Братьев в Великобританских Эмиратах,
ты понадобишься мне в среду утром.

Игнат пожал плечами.

– Я готов.

Речь шла о так называемом Ордене Серых Братьев, который представлял собой теневое правительство Европы. Именно Орден управлял деятельностью парламентской Ассамблеи Европы и добивался ослабления России как мирового лидера.

– Не вижу радости на твоём лице, – задумчиво сказал Артем. – По-моему, ты не удовлетворен своей работой. Есть какие-то сомнения?

– Он недоволен тем, что обошлось без драки, стрельбы и погони, – улыбнулся Бондарь.

Игнат промолчал, хотя это стоило ему некоторых усилий. Начальник группы одобрительно кивнул.

– Правильно, молчи побольше, но держи наготове аргумент, и ты далеко пойдешь.

– Особенно если аргумент – «универсал», – добавил Артем. – Или в крайнем случае – дубинка.

Мужчины подмигнули друг другу.

– Лучше молчать и слыть идиотом, – бесстрастно сказал Игнат, – чем заговорить и развеять сомнения.

Бондарь выпятил губы.

– Сам придумал?

– Прочитал у классика, наверно, – сказал Артем. – Ладно, не будем больше тебя раздражать. Приводи себя в порядок, отдыхай, слетай в Каменку к бабушке. Позвони маме.

– Я к ней забегу на полчаса.

– Было бы славно.

Мужчины поднялись с дивана. Бондарь бросил взгляд на красивую асимметричную конструкцию в углу гостиной, похожую на прозрачно-бликующий силуэт летящей птицы с тающими белыми перьями. Он уже знал, что это творение Игната, выразившего в голографической скульптуре ощущение *полета*. Молодой человек действительно был замечательным эмоцио-художником, но при этом умел находить в оперативной службе не меньше удовольствия, чем в творческой работе. Это удивляло и заставляло задумываться над тягой человека к экстриму. Хотя, с другой стороны, род Ромашиных и в самом деле издревле славился целенаправленной деятельностью на благо защиты Отечества, да и человечества в целом, и решение Игната продолжить дело отца и дедов выглядело вполне естественным. А возможностей у него было больше, потому что экстрасенсорный запас Игната заговорил в нем с детства и позволил стать не только витезем-защитником, мастером единоборств, обладающим врожденным чувством мгновенной оценки ситуации и адекватного ответа на вызовы социума, но и воином *покоя*, способным выиграть бой до его начала. Игнат мог разрядить любую напряженную обстановку, не доводя ее до открытого столкновения, и Бондарь, убедившись в этом, проникся к нему глубоким уважением.

Мужчины вышли.

– Ты ему ничего не сказал о новом деле, – посмотрел на спутника Артем.

– Пусть отдыхает, – рассеянно пробормотал Бондарь. – Я чувствую, что нас ждет очень непростая проблема.

«Горизонт чист», – доложил по рации командир группы сопровождения, опекавшей руководителей СБ.

Мужчины поднялись на площадку авиаобслуживания дома, сели в белый неф с красно-синими полосками, и под взлетевшим аппаратом развернулась панорама Финского залива.

Глава 3

ЦЕННЕЕ ЖЕРТВЫ

Двадцать пять лет, проведенные в тюрьме, изменили его и внешне и внутренне.

Из самоуверенного и агрессивного молодого человека с хамскими замашками Ульрих Хорст превратился в угрюмого, молчаливого, спокойного с виду мужчину с гипертрофированно развитыми мышцами; все двадцать пять лет он усиленно занимался спортом и рукопашным боем и смог бы, наверно, выступать в соревнованиях. Но его целью было нечто иное – *мечь*, о чем он, разумеется, ни с кем не говорил.

По совокупности преступлений, которые он совершил четверть века назад во время войны с неземными роботами – «джиннами» и моллюсками, ему грозило пожизненное заключение. Однако Всеевропейская Комиссия по помилованию изучила содержание арестанта, отсидывающего срок в ганноверской тюрьме особого режима, и сочла возможным выпустить его на свободу «за отличное поведение и духовные устремления». Что подразумевалось под этим, эксперты Комиссии не объясняли. Но факт оставался фактом: седьмого мая две тысячи четыреста двадцать восьмого года пятидесятилетний Ульрих Хорст вышел за периметр тюрьмы.

Надо сказать, что за время сидения Ульриха в тюрьме ев-

ропейскими правозащитниками не раз поднимался вопрос изменения системы исполнения наказаний, вплоть до отмены тюрем. Но здравый смысл тех, кто понимал последствия таких изменений, неизменно брал верх. Мало того, появились юридически обоснованные программы ужесточения наказаний за чудовищные с точки зрения морали преступления, а в России даже возник Общественный Совет по изучению преступлений, предлагавший отменить мораторий на смертную казнь.

И Ульрих затаил злобу даже на этот Совет, решив «примерно наказать» его деятелей за их убеждения. По мнению членов Совета, преступник в последние времена стал ценнее жертвы, так как любой маньяк, убивший десятки человек, оставался жить, пусть и за решеткой (хотя условия содержания преступника в тюрьме заметно улучшились со времен последней революции), в то время как его жертв воскресить было уже невозможно. В Соединенных Штатах Америки высшей мерой наказания по-прежнему была смертная казнь, да и в южноазиатских странах тоже. Европа же отстаивала свои позиции, позиции «гуманизма и терпимости», из-за чего пережила не один разгул преступности и уже склонялась к тому, что «терпимость имеет пределы».

Ульрих готов был серьезно поговорить и с европейскими носителями идей ужесточения наказаний, поскольку боялся смерти до судорог и свято верил в «светлые головы гуманистов-правозащитников», игравших на его стороне. Прики-

дываясь агнцем, жаждущим жить по человеческим законам, он возненавидел духовника тюрьмы, который изо дня в день вдалбливал в головы арестантов азбуку Нового Евангелия: «Не существует господствующей расы. Не существует величайшей нации. Не существует истинной религии. Не существует совершенной философии». Этого человека Хорст решил после своего условно-досрочного освобождения мучить долго и жестоко.

Седьмого мая в одиннадцать часов утра по местному времени он впервые глянул на ганноверскую тюрьму со стороны, как турист, толпы которых действительно осматривали это гигантское здание как некую достопримечательность. Сознание на несколько секунд поплыло, будто Ульрих хлебнул алкоголя, о котором мечтал двадцать пять лет.

Сопровождавший его опекун заботливо поддержал бывшего узника тюрьмы под локоть:

– Вам плохо?

Ульрих, смахнув с ресниц слезу, выдернул локоть. Потом, вспомнив созданный им для судей имидж «изменившегося духовно» человека, виновато поклонился опекуну:

– Простите... свежий ветер... голова закружилась...

Он огляделся.

Площадь напротив стены здания, похожего на старинную крепость, пестрела всеми цветами радуги: гостей Ганновера приносили и уносили десятки разнокалиберных аэробусов, и, казалось, здесь располагается знаменитейший древний со-

бор, а не специально сконструированное узилище для содержания особо опасных преступников.

Ульриха никто не встречал. Да он и не ждал никого, зная отношение родни к его судьбе. За двадцать пять лет ни один родственник не посетил его в тюрьме, кроме матери, что послужило дополнительной причиной разгорающихся в душе страстей. Родственников он тоже решил не щадить, в особенности деда Селима фон Хорста, если тот был еще жив.

– Хотите где-нибудь присесть? – участливо поинтересовался опекун.

– Благодарю вас, не нужно. Я хочу домой.

– Вы имеете в виду гостиницу?

Ульрих сжал зубы. О доме он мог только мечтать. Личного жилья как такового не было, так как все его имущество было конфисковано. Жить у матери не хотелось, поскольку это лишало его необходимой независимости. Ему предлагали такой вариант, но он отказался. Поэтому служба опекунства ЕСИН – Европейской системы исполнения наказаний просто сняла ему гостиницу в Потсдаме, по его просьбе, следуя букве закона, и теперь ему предстояло долгое время жить в гостинице в ожидании снятия с личного дела грифа «условно-досрочное освобождение». Только после этого он мог стать добропорядочным гражданином Европы, не требующим особого надзора.

– В гостиницу.

Ульрих невольно потрогал пальцем браслет на левой руке.

Снять браслет он не мог. Это был аппарат физического и социального контроля за поведением выпущенного на свободу человека. И с ним надо было мириться, пряча замыслы и чувства, потому что любая попытка освободиться от бдительного ока операторов ЕСИН мгновенно вернула бы его на нары.

Опекун вызвал систему доставки.

Рядом опустился оранжевый пинасс службы контроля, в борту аппарата протаял проем дверцы.

Ульрих и опекун заняли места в прозрачной изнутри кабине.

Пинасс взлетел. Под ним распахнулась панорама Ганновера двадцать четвертого века.

Ульрих жадно завертел головой, ища признаки изменений в архитектурных ансамблях современного городского пейзажа. Однако ничего особенного не увидел.

Все те же башни, жилые и административные, созданные с помощью геном-технологий по «биомоделям природы» и потому напоминающие природные образования: кораллы, кисти винограда, кипарисы, насекомых, птиц и рыб. Все та же толчея летающих аппаратов в воздухе. Все те же белесые шпаги орбитальных лифтов, пронзающие атмосферу тут и там. Добавились разве что какие-то конструкции немислимых геометрических сочетаний, но и те представляли собой жилые модули и бизнес-центры, облик которых был хорошо известен Ульриху по видео.

Пролетели мимо одного такого архитектурного монстра, созданного с виду из ртути и жидкого стекла, уходящего «парусами» в небо на пятикилометровую высоту.

– Офис мирового бренда пива «Наклюк-Вэ», – кивнул на башню опекун.

– Немцы пиво любят, – пробормотал впечатленный Ульрих.

– Не только немцы, все европейцы.

– И русские?

– Русские нет. По потреблению пива на душу населения они занимают всего лишь сто сорок четвертое место в мире.

– Удивительно.

– Скорее не удивительно, иначе Россия не стала бы ведущей державой Системы, наряду с Китаем. Но она уже больше двухсот лет соблюдает целевую программу трезвого образа жизни и поэтому...

– Я знаю, – оборвал собеседника Ульрих.

Пинасс нырнул к зеркальному пилону метро с иероглифической буквой «М» на острие.

Конечно, Ульриха могли отправить в Потсдам и прямо из тюремного блока метро, но он настоял на том, чтобы дорога до гостиницы началась за пределами исправительного учреждения.

Суэта в зале ганноверского метро не произвела на него впечатления. Так было и раньше. Зато он внимательно взгляделся в лица пассажиров, больше половины которых пред-

ставляли собой темнокожее население Земли. К тому же и говорили они в большинстве своем не на немецком или английском языках, а на китайском и всякого рода «суахили», «банту», «кокого» или «манано», то есть на языках всего мира, и это обстоятельство заставило Хорста нахмуриться. Раньше он не замечал, кто его окружает и на каком языке говорит.

В то же время его порадовали представительницы прекрасного пола, которых хватало, молодых и симпатичных, и Ульрих невольно проводил глазами стайку девушек, одетых в нечто легкомысленное, бликующее и прозрачное, подчеркивающее фигуру. В тюрьме доступ к живым партнерам ему был недоступен, половое удовлетворение доставляли витсы.

Линия метро исправно перенесла бывшего заключенного и его проводника в Потсдам.

Вышли из небольшого, со старинными фресками на стенах, зала на крохотную площадь в форме подковы, только что омытую искусственным дождем. Сели в бело-голубое такси, которое за две минуты доставило пассажиров к гостинице «Бранденбург», располагавшейся на Село-штрассе, между церковью Фриденскирхе и Бранденбургскими воротами.

– В десятом веке на месте Потсдама, – сообщил опекун, пока такси скользило в потоке легких аэрокаров над городом, – располагалось славянское поселение. Ваши пред-

ки его сожгли и построили крепостцу. В двенадцатом веке Потсдам вошел в состав Бранденбургского маркграфства, а в четырнадцатом получил городские права.

– Хорошо бы обойтись без ликбеза, – буркнул Ульрих.

– Вы здесь бывали?

– Дважды, – соврал он.

– В таком случае могу добавить только, что Потсдам с восемнадцатого века стал второй после Берлина резиденцией прусских королей, где проводились военные парады и смотры. В тысяча девятьсот сорок пятом году именно в Потсдаме, во дворце Цецилиенкоф, вот он, слева, – вытянул руку опекун, – прошла конференция глав правительств победивших стран, в ходе которой...

– Вы немец? – перебил гида Ульрих.

– Болгарин.

– Тогда понятно.

– Что понятно?

– Вы с таким злорадством говорите о победивших.

– Извините, но это исторический факт...

– Да фиг с ним, с историческим фактом! Если бы я родился в начале двадцатого века, этого факта не было бы.

Опекун смешался, не зная, шутит подопечный или нет, и замолчал.

Ульрих вздохнул с облегчением. Выслушивать тенденциозную лекцию о прошлом ему не хотелось.

Гостиница, затерявшаяся среди массивных, готического

стиля, башен, была совсем маленькая, даже миниатюрная, двухэтажная, всего на пятнадцать номеров, и Ульрих усмехнулся в душе. В свое время он ради любопытства останавливался в японском отеле «Шиндзуки», в котором могли поселиться сразу три тысячи человек, поскольку номера-ячейки в отеле имели размеры два метра в длину, метр в ширину и метр в высоту.

Опекун заметил его мину.

– Это хорошая гостиница, – сказал он смущенно. – Вам предоставлен двухкомнатный рум-класс со всеми удобствами.

– Спасибо, – сказал Ульрих по-немецки; до этого момента разговор шел на английском.

Они вошли в вестибюль гостиницы, практически безлюдный, если не считать мужчину в сари, сидящего на диване у аквариума.

Тотчас же напротив опекуна соткалась из воздуха фигурка девушки в строгом костюме месседж-оператора, с ангельским личиком.

– Добрый день, господа. Готовы исполнить все ваши пожелания.

– На имя господина Ульриха Хорста, – сказал опекун, глянув на спутника, – заказан номер. До конца года, с правом продления.

– Совершенно верно, заказ подтверждаю. Ваши документы?

Опекун достал розовую карточку с золотым тиснением «Passvort», протянул девушке.

Та провела ладошкой над карточкой, мило сморщила носик, кивнула на старинную стойку администратора.

– Извините, это всего лишь проформа. Прошу подойти и взять ключ.

Девушка растаяла в воздухе и возникла уже за стойкой. Это был всего лишь голографический фантом оператора гостиницы, по сути анахронизм, потому что все гостиницы мира давно отказались от подобного рода обслуживания. Но эта гостиница, принадлежащая ведомству ЕСИН, пока еще жила по-старинке.

На стойке сформировалась зеленая карточка электронного ключа.

Опекун взял ее.

– Номер десять, второй этаж, – вежливо сказала девушка-фантом.

Гости поднялись по лестнице, устланной красным ковром, на второй этаж, опекун сунул карточку в щель ключа, открыл дверь, и они вошли.

Ульрих, остановившись на пороге, оглядел номер.

Две небольшие комнаты со стильной современной мебелью.

В первой – диван-трансформер, накрытый шкурой белого медведя, светильник в потолке, напоминающий по форме кусок льда, статуэтки троллей по углам комнаты, ворсистый

ковер на полу, вириал инка на стеклянном столике за диваном.

В другой комнате большая двуспальная кровать, вычурные панно по стенам, множество ниш с хрустальными бокальчиками, бар, цвет стен жемчужно-серый – видеопласт, конечно.

Оба окна выходят в парк.

Ульрих заглянул в туалетный блок, закрыл дверь.

Опекун, не разглядев на лице нового постояльца каких-либо особых чувств, развел руками:

– Без излишеств, сами понимаете. Какие-нибудь пожелания, просьбы есть?

– Документы, кредит.

– Ах да, извините. – Опекун отдал Ульриху его паспорт, достал из кармана еще одну карточку цвета слоновой кости, с выбитым на ней номером и буквами SDM. – Ваш кредит – сто тысяч евриков. Для его пополнения вам придется устраиваться на работу. Комиссия готова помочь.

– Не надо, я сам найду работу. – Ульрих повертел в пальцах кредитную карточку; эту сумму – сто тысяч евро – он в тюремном учреждении заработал сам. – Это все?

– Вы изучали инструкцию, должны помнить, что все зависит от вашего поведения.

– Помню.

– Отлично. Могу добавить, что вылет за пределы Солнечной системы для вас ограничен. Покидать Землю вы сможете

те только после официального запроса и изучения причин просьбы Комиссией.

Ульрих растянул губы в узкую полоску.

– Я чувствую, вы не горите особым желанием поддерживать меня.

Лицо опекуна, – на вид ему было больше семидесяти лет, – стало сухим и жестким.

– К сожалению, это моя работа – поддерживать таких, как вы, на период реабилитации. Но вы должны знать, что будь моя воля, вы никогда не вышли бы на свободу.

– Почему? – хмыкнул Ульрих.

– Вы меня не помните, но двадцать пять лет назад я был полковником Погранслужбы, ваш друг-моллюскор уничтожил мой фрегат, я чудом остался жив.

– Понятно.

– Вам понятно? – Опекун шагнул к Ульриху, сжав кулаки, глаза его вспыхнули. – Что вам понятно?! Вы – один из величайших преступников мира, по чьей вине погибли тысячи людей! А вас выпускают на свободу...

– Но-но-но, – отступил Ульрих.

Опекун с усилием преодолел вспышку эмоций, закончил:

– Будьте уверены, я всегда буду рядом. Вот что вы должны понимать.

Он повернулся, вышел.

Ульрих задумчиво смотрел ему вслед, присоединяя бывшего полковника Погранслужбы к тем, кого он определил в

жертвы. Встряхнулся, подошел к окну, глядя на зеленую весеннюю листву деревьев в парке, и вдруг закричал во весь голос:

– Я свободен, черт возьми! Я жив! Ничего еще не потеряно!

Через полчаса он вышел из ванной комнаты, распаренный, красный, довольный жизнью, достал из бара пластет пива «НК», выдул в один прием. Потер руки, блаженствуя, походил по комнате, подсел к вириалу инка.

– Начнем, пожалуй.

Все, что происходило в мире, он знал, так как в тюрьме беспрепятственно пользовался всеми каналами видеосети. Ему хотелось проверить, живы ли его бывшие соратники, готовы ли они контактировать, а главное, согласны ли они принимать участие в его жизни.

Инк послушно соткал объем виома.

Ульрих, много лет державший в памяти адреса электронной почты друзей и знакомых, сглотнул слюну, придвинул к виску мнемор инка.

Первым он набрал номер почты Стива Джадда.

В белесом нигде виома загорелась надпись: «Абонент сменил номер. Позвоните в справочную оператора „Землайн“.

Ульрих кивнул сам себе. Было бы наивно полагать, что Стив за двадцать пять лет не сменит адрес почты и мобильный телефон. Лишь бы он не помер, пришла трезвая мысль.

Насколько было известно Ульриху, Джадд выжил в смут-

ные времена войны с «джиннами» и был осужден на десять лет за пособничество преступнику, коим был он сам, Ульрих Хорст. То есть даже при худшем раскладе политических сил он уже давно должен был восстановить гражданство, вернуть благосклонность общественных структур и устроиться на работу в теплое местечко. А так как родственников в Прибалтике у него хватало, Джадд-младший наверняка мог стать Ульриху хорошим помощником. Его надо было найти во что бы то ни стало.

Ульрих задал инку поиск абонента по имени Стив Пурвис Карл Джадд, и тот через несколько секунд нашел названное лицо.

Стив в настоящее время занимал должность директора Департамента развлечений в Министерстве культуры Эстонии и, судя по всему, жил припеваючи. Очевидно, родственники сына бывшего премьер-министра Европы Пурвиса Джадда оплатили пиар-кампанию, и нужные люди постарались обелить отпрыска Пурвиса до степени ослепительной чистоты, непорочности и благонадежности.

Ульрих позвонил в Департамент развлечений.

Ответили быстро.

– Слушаю вас, – посмотрела на него из виома симпатичная блондинка.

– Я хотел бы поговорить с господином Джаддом, – сказал Ульрих, оценивающе глядя на девицу. Если бы она не была фантомом, с ней можно было бы провести пару вечеров.

– Представьтесь, пожалуйста.

– Ульрих... э-э, – на ум вдруг пришла хорошая мысль. –

Ульрих-моллюскор.

– Господин Джадд в настоящее время...

– Не волнуйтесь, мне он ответит, – ухмыльнулся Ульрих.

– Хорошо, попробую с ним связаться, – сказала девушка с сомнением.

Что такое моллюскор, инк Департамента не знал, иначе его реализатор-девушка наверняка спросила бы, какое отношение имеет абонент к боевому роботу гиперптеридов.

– Пусть позвонит мне, когда освободится. – Ульрих продиктовал номер мобика, который ему выдали при освобождении, и принялся писать письма другим знакомым, когда-то хорошо знавшим его. Кроме того, он помнил номера мобиков – мобильных вифонов приятелей и собирался обзвонить их всех.

Через час нервное возбуждение схлынуло.

Ульриху удалось дозвониться всего до четырех приятелей. Все они с трудом узнали бывшего ксенолога ИВКа, а узнав, сухо предложили ему больше не звонить. Из молодых и амбициозных молодых людей они превратились в преуспевающих обывателей-юзероидов, не желавших менять свой образ жизни.

Впрочем, Ульрих на них и не рассчитывал. Для исполнения его замыслов достаточно было, чтобы откликнулись Стив Джадд и брат Павла Куличенко (сестра Паши погибла

четверть века назад от руки Марты Лярво-Фрейберги) Виктор. Стив вообще был в его команде, а Виктор сочувствовал его тогдашним идеям. А идей у Хорста-младшего и в нынешние времена хватало. Первой среди них стояла идея найти живого моллюска, подчинить его и устроить зажавшемуся человечеству «Варфоломеевскую ночь».

Мягко заиграла музыка. Ульрих не сразу сообразил, что это в ухе проснулся динамик мобика.

«Включи», – приказал он мысленно.

Над квадратиком инфора, игравшего роль мобильного видео, инка и контрольной системы, возникло лицо мужчины, одутловатое, почти без бровей, с выражением сдержанной ленивой величавости, но с тонкой тенью неуверенности. Лицо принадлежало постаревшему на двадцать пять лет Стиву Джадду.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Потом Стив пробормотал:

– Ты?

Ульрих усмехнулся.

– Привет, директор. Хорошо устроился, а?

Стив облизнул губы, нервно оглянулся, словно боялся, что за ним следят.

– Хотел бы объяснить...

– Давай встретимся, поговорим, вспомним былое, друзей.

Есть хорошая идея.

Стив отвел глаза.

– У меня нет времени...

– Да брось ты, психолог, неужели не найдешь пару часов на встречу со старым другом? Мы не виделись четверть века!

– Чего ты хочешь?

– Я же говорю: вспомним всех, с кем были вместе, поселимся, обсудим одну хорошую идею.

– Извини, я уже давно не ксенолог, не ученый...

– Зато успел стать уважаемым человеком. В шесть вечера, в Берлине, на Мариен-плац, под памятником... черт, забыл, кому там памятник. Ну, неважно. Договорились?

– Нет.

Ульрих перестал улыбаться, всмотрелся в рыхлое лицо бывшего соратника и вдруг понял, что тот его боится. И ни на какое дело не пойдет.

– Нет, значит? А я хотел просто потрепаться, рассказать, как я проводил время. Ладно, извини, что побеспокоил. Если надумаешь поговорить, звони.

Ульрих выключил мобик, посидел в задумчивости перед светящимся виомом инка, сплюнул.

– Вот гнида! Ничего ему не надо! Действительно, хорошо устроился. Интересно, чем его можно... – Он замолчал, подумав, что номер наверняка прослушивается. Подумал: черт с тобой, найду других исполнителей. Но прежде надо избавиться от сопровождения.

Он набрал номер ресепшн-системы гостиницы:

– Прошу прощения, в пакет услуг входит эротическое об-

служивание клиента?

– Все варианты на сайте отеля, – ответили ему.

Ульрих быстро разобрался в информационном поле инка, нашел требуемые сведения и бегло пролистал каталог предлагаемых для «эротического обслуживания» девиц. Живых. Витсов гостиница «Бранденбург» для своих жильцов не предлагала.

– Примите заказ.

Красная стрелочка уперлась в соблазнительную фигурку.

– Заказ принят.

Ульрих с вождением потер ладонь о ладонь, чувствуя, как по жилам быстрее побежала кровь. Только теперь он осознал, насколько соскучился по «нормальной жизни», допускающей множество разнообразных соблазнов.

Девушка пришла через четверть часа. Та самая жгучая брюнетка, понравившаяся Ульриху. Ее звали Кончита.

– Иди сюда, – проговорил Ульрих, раздувая ноздри. – Я тебя не обижу.

Однако девушка, оценивающе глянув на бурно вздымающуюся грудь заказчика, повела себя как-то странно. Она окинула взглядом спальню Хорста, прошла вдоль стены, посмотрела в окно, вернулась к двери.

– В чем дело? – удивился он. – Не нравится интерьер? Или ты здесь уже была?

Кончита вышла из спальни, осмотрела вторую комнату, не менее внимательно, чем первую.

Ульрих с недоумением и разгорающейся тревогой следил за ней, гадая, что происходит.

Кончита склонила голову к плечу, прислушиваясь к чему-то, повела рукой, как бы поглаживая стены и потолок, посмотрела на постояльца.

– Две линии. Ты не пользуешься доверием хозяев.

– Ты о чем? – Ульрих повертел головой, прислушиваясь к своим ощущениям, и до него дошло. – За мной следят? Да фиг с ними! Я ничем криминальным заниматься не собираюсь. А откуда ты узнала о...

Глаза Кончиты вспыхнули.

– Сядь! Поговорим.

Ульрих отшатнулся, ошеломленный.

– Ты чего себе возомнила?! Я же тебя...

– Сядь!

С тонким звоном лопнула одна из статуэток в углу.

Ульрих вздрогнул, отступил, чувствуя, как закружилась голова, сел на кровать.

– Ты... кто?

Лицо гостьи на мгновение стало *странным*, как бы и не человеческим вовсе. Голос ее тоже изменился, в нем проявились басовитая глубина и выразительная категоричность.

– Неважно, кто я в настоящий момент. Для дальнейших контактов можешь называть меня Посредником. Я представляю собой структуру, которая заинтересована в тебе и твоих связях.

– Служба безопасности, что ли? – скептически хмыкнул Ульрих.

– Не служба. Не перебивай!

С тонким звоном лопнула еще одна статуэтка тролля.

Ульрих невольно поежился, хотя особого страха не испытывал. С одной стороны, происходящее его заинтриговало, с другой – заставляло напрягаться, но не более того. Он чувствовал необычное давление на нервную систему и понимал интуитивно, что столкнулся с силой, которая не потерпит ни ерничества, ни сопротивления.

– Хорошо, Посредник.

– Мы изучили твоё личное дело, господин Хорст, ты нам подходишь. Ты умен, решителен, опытен...

– Если не учитывать того, – не выдержал Ульрих, – что опыт есть то, что получаешь, не получив того, что хотел.

– ...и способен добиваться поставленной цели, – продолжала Кончита, пропустив его замечание мимо ушей. – Единственная претензия – ты не всегда соразмеряешь свои возможности со своими желаниями.

– Да мне по фигу ваши претензии! – окрылся Ульрих. – Я хотел победить, но ошибся в помощниках.

– Чтобы побеждать, надо выбирать правильного противника, – обнаружила гостья знание пословиц. – Но эту проблему мы поможем тебе решить. Да и остальные проблемы тоже. Согласен работать на нас?

– В принципе, я готов работать хоть на дьявола... – Уль-

рих бросил взгляд на стены, на потолок. – Вы же сказали, что за мной следят.

– Никто нас не слышит.

– Я подконтролен ЕСИН.

– Мы избавим тебя от контроля.

– У вас такие большие связи? – усмехнулся он. Заметил, как вспыхнули глаза девушки (в голове загудело, будто от удара по затылку), торопливо добавил: – Хорошо, я согласен. Однако хотел бы все-таки услышать, кого вы представляете и что я должен сделать. И, кстати, что получу взамен. Надеюсь, вы понимаете, что за все нужно платить?

– Ты получишь любые кредиты, любую поддержку, контроль над процессами в пределах ваших технологий, вообще неограниченные возможности.

– Карт-бланш, одним словом, – уточнил Ульрих, помедлил, остро глянул на собеседницу, уцепившись за ее последние слова. – *Ваших* технологий, говорите? Значит, вы... не землянка?

– Мой носитель в настоящий момент – землянка, обыкновенная женщина, я же Посредник инвазеров, искусственная психосистема, созданная для определенной цели.

– Кем?

– Тебе будет достаточно знать, что мы в определенном смысле ваши соседи, хотя и принадлежим к иному типу изъясвителей воли.

– Негомики... э-э, негуманоидный тип разума. Здорово!

Дело в том, что я ксенолог, долгое время занимался...

— Мы знаем, чем ты занимался. Ты контактировал с моллюском, что изменило твою психику и энергетику. Есть большая вероятность того, что ты сможешь решить поставленную задачу.

— А я еще не согласился. — Ульрих вздрогнул от последовавшего *внутреннего* удара по сознанию, заторопился. — Хотя в принципе не возражаю против... э-э, против чего, кстати? Что нужно сделать?

— Надо дестабилизировать социум Солнечной системы таким образом, чтобы Служба безопасности отвлеклась от других проблем и полностью переключилась на тебя.

Ульрих с недоверием глянул на Кончиту, стоявшую перед ним без малейшего движения, как статуя.

— Вы серьезно?

— Не задавай глупых вопросов.

— От каких проблем я должен отвлечь федералов?

— Ты слышал об открытии так называемой Великой Пустоты?

— Нет.

Кончита отстегнула красивую висюльку серьги, протянула Хорсту. На месте серьги тотчас же выросла новая.

— Здесь вся необходимая информация. Изучи ее, составь план действий и сообщи мне.

Ульрих взял необычной формы флэш, повертел в пальцах.

— Как я вам сообщу?

- Просто мысленно позови, я откликнусь.
- То есть вы сядете на мое сознание?
- В этом пока нет необходимости.
- А если я передумаю... вы меня ликвидируете?
- И в этом нет необходимости.

Ульрих сжал челюсти, унимая внутреннюю дрожь. Он вдруг осознал, что ему предстоит сделать, и ужаснулся, и почувствовал восторг одновременно, понимая, что такого шанса *отомстить* всем врагам у него больше не будет.

- Я согласен!
- Мы не сомневались.
- Разумеется, я все сделаю, – усмехнулся Ульрих. – Но мне нужна полная свобода!
- Ты ее получишь.
- Мне нужны исполнители.
- Конкретно?
- Насколько я знаю, в мире полно всякого рода сект и союзов, борющихся за свою свободу.
- Конкретно.
- Ну, УПАУН, Албанера, Ндрангета, всякие Ордена. Кстати, хорошо бы выяснить, жив ли еще Орден Белого Крыла?

- Мы дадим тебе все связи.
 - Что ж... тогда... я посмотрю, что вы мне приготовили.
- Глаза Кончиты зажглись... и потускнели, превратились в глаза обыкновенной девушки по вызову, которая ничего не

помнила из того, что говорила минуту назад. Она тут же защебетала какую-то чушь.

Ульрих понял, что Посредник неведомых инвазеров покинул своего временного носителя.

– Иди ко мне, – глухо сказал он, торопливо стягивая с себя уник.

Глава 4

ВСКРЫТИЕ ПОКАЖЕТ

Зари-ма грезилa с открытыми глазами. Перед ней стояла красивая длинноногая девушка с хорошей фигурой, излишне полная на взгляд Игната, а на девушке играла нежными переливами опала удивительная конструкция, которую трудно было назвать платьем.

– Привет, ма, – сказал Игнат.

Зари-ма оглянулась, ее затуманенные глаза прояснились.

– Игнаша! Проходи, я сейчас закончу.

– Познакомь, – кивнул Игнат на девушку.

Зари-ма показала ему кулачок, он засмеялся и открыл в стене мастерской дверцу бара, достал пластет клюквенно-брусничного морса. Налил в чашку, вернулся к матери.

Зари-ма уже несколько лет занималась моделированием женской одежды, у нее это хорошо получалось, и бренд «Зарима» уже пользовался популярностью в России. Девушка же, стоящая перед ней, была всего лишь видеофантомом, и как только Зари-ма закончила мысленное *приглаживание* голографической проекции нового платья, фантом безмолвно растаял в воздухе.

Зари-ма заказала улетон с лунным медом, и они с сыном сели друг против друга в уголке помещения, заставленного

десятками видеорам с платьями разного фасона.

– Тебе пора жениться, – строго сказала женщина, не потевшая в свои сорок с лишним лет ни грана красоты и изящества.

– Мам, ты совсем оземлилась, – улыбнулся он.

– Что? – не поняла она. – Оземлилась?

– Стала совсем земной. А ведь родилась на Полюсе Недоступности. Ангел, практически.

– Издеваешься? – свела она брови.

– Ни в коем случае! – вытянул он руки вперед. – Просто пока не найду такую, как ты, не женюсь. Папа сказал, что ты готовишь новую коллекцию?

– Пригласили на весеннее прет-а-порте в Брюссель, – сморщила носик бывшая полюсидка. – Приходится напрягаться.

– Европа, однако, – сказал Игнат значительно, хотя в душе относился к европейским «стандартам» с пренебрежением. – Может, пообедаем вместе?

– У меня встреча назначена на два часа, – огорчилась Зари-ма. – Ты не работаешь сегодня?

– В отпуск отправили, на три дня, за непричинение большого ущерба делу и государству.

Зари-ма засмеялась.

– У тебя хорошее настроение, это радует. Отец ничего мне не передавал?

– Нет, ничего, а должен был?

– Обещал показать какой-то старинный русский костюм.

– Обещал – покажет. Ну, я побежал? Переодеюсь и махну в Никола-Ленивец, к теткам, подышу природой. Да и Сашка звонил, звал на очередное «архстояние». Там у них готовится фестиваль ландшафтной архитектуры, интересно посмотреть.

– Хорошая идея, я бы и сама посмотрела.

– Так полетим вместе.

– Сегодня я занята, не люблю отменять назначенные приемы, а завтра могу прилететь.

– Созвонимся.

Игнат поцеловал мать в щеку, получил ответный поцелуй и вышел из мастерской. А уже садясь в такси на площади Большого Сердца, почувствовал странную неловкость, будто забыл какую-то важную вещь. Прислушался к себе. Ощущение забытой вещи было связано с мастерской мамы, а возможно, и с ней самой. Но интуиция, подсказав некое *нарушение* полевой обстановки, замолчала, и он успокоился, не чувствуя нарастания потенциалов, связанных с опасностью.

Семья Ромашиных: отец Артем, мать и сын – уже лет пятнадцать жила в Рязанской губернии, в новом районе Славенский, на реке Оке. В нынешние времена расстояния между городами, поселками и странами вообще не имели значения, человечество повсюду перешло на воздушный и мгновенный транспорт, сокращенно – метро, и достичь любой точки земной поверхности можно было за считанные минуты. Однако

Артем, проживший много лет с Зари-мой в Харькове, долгое время обивал пороги соответствующих инстанций и в конце концов получил вид на жительство на родине дедов и прадедов. Некомфортно ему стало жить в Харькове, особенно после смерти деда Игната, а также бывшего главы ОВР Володи Калаева, который жил в Днепропетровске.

Игнат жилище свое не выбирал, для него дом в Рязани, недалеко от громадного здания УАСС, был родным гнездом, и жилось в нем хорошо. Хотя, конечно, он мечтал со временем получить свой личный жилой уголок, который принадлежал бы только ему. Но об этом пока можно было только мечтать и ждать, пока кто-нибудь из родственников не умрет, после чего получить квартиру в наследство. А думать о таком способе получения жилплощади Игнат не хотел. Да и надеялся в конце концов заработать на приличное жилище собственным трудом.

Дома он искупался в акваблоке, посмотрел новости по видео, собрал сумку: пара летних костюмов, спортивный тренч, кроссеры, деловой уник на всякий случай, рубашки – и, облачившись в белый, с черными и серыми вставками, повседневник, закрыл за собой дверь квартиры.

До первой рязанской станции метро было около четырех километров, и такси доставило его туда всего за две минуты. Еще через несколько минут он вышел из метро Медыни, сел в такси местных воздушных линий и назвал киб-пилоту адрес: дерлок Никола-Ленивец, вторые Завесы, частное владе-

ние Бычковых.

Крохотный флайт-такси взлетел над Медынью с ее шестью жилыми комплексами, взял курс на реку Угру.

Игнат с интересом и удовольствием принялся разглядывать проплывающие под аппаратом пейзажи.

К теткам по отцовской линии, Вере и Людмиле Ильиничне, испокон века проживающим в дерлоке (еще сто лет назад такие поселения назывались деревнями), он летал часто, так как любил этот уголок русской природы. За лесами здесь ухаживали, и, несмотря на то что многие лесные уголья были отданы в аренду частным лицам, в окрестностях малых дерлоков всегда можно было найти место для отдыха и размышлений.

Мимо со свистом прошмыгнул мощный неф с лейблом фирмы «Порше» на носу и на бортах. Киб-пилоту такси даже пришлось сманеврировать, чтобы пропустить просвистевший в опасной близости аппарат.

Игнат покачал головой. Лихачей на воздушных трассах во всем мире не убавилось, а в России их всегда хватало. Тем более что переселенцы, о которых говорили отец и командир группы «Соло», правил движения практически не признавали и вели себя так, будто никого вокруг не видели.

Вдали, за невысокими коттеджами дерлока Кольцово показались какие-то необычные сооружения.

Игнат скомандовал пилоту пролететь над ними: здесь и начинался парк архитектурных шедевров, возведенных в по-

ле за Никола-Ленивцем, посмотреть на которые слетались любители подобного рода творческих решений чуть ли не со всего света.

Игнат знал его историю.

История никола-ленивцевых «архСтойний» уходила в седую древность России.

Впервые идея собрать вольномыслящих художников и создать музей архитектуры пришла в голову молодому студенту архитектурного института Василию Щетинину в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году. Сначала он с друзьями переехал в Никола-Ленивец и построил себе дом; впоследствии такие же дома построили себе и его ближайшие соратники. Потом они решили позвать к себе других таких же «свободомыслящих людей» и сделать фестиваль. С тех пор и в течение уже почти четырех с половиной столетий в окрестностях небольшой русской деревеньки под Калугой и собирались архитекторы, жаждущие творческой реализации, чтобы создать некий строительно-архитектурный шедевр и заявить о себе. Недаром этот фестиваль прозвали «АрхСтойнием», хотя в отличие от воинского *стояния* на реке Угре² данные мероприятия отличались разительно, и прежде всего – духом радости и свободы самовыражения.

– Останови, – приказал Игнат.

² Стояние на реке Угре – военные действия в 1480 году между войском хана Большой Орды Ахмата и войсками великого князя московского Василия III, закончившиеся поражением монголо-татар.

Флайт завис над опушкой леса на высоте двухсот метров. Дальше, до реки, шло волнистое поле, полностью занятое строениями разной формы и этажности, хотя выше полусотни метров строений не было. Материалами для стен сооружений служили в основном дерево и быстро застывающий силиколл, хотя встречались и вовсе уж вычурные творения, полностью выдутые из пенокерама или силк-стекла.

Игнат заметил несколько строений, сохранившихся со времени прошлого «АрхСтояния»: Янтарные Ворота, Парусник, Твердый Взрыв, Шишкин Дом, Жар-Птица и Полет. Названия запомнились своей необычностью. Они и победили в конкурсе, вследствие чего сохранились до нынешнего фестиваля.

Обычно фестивали начинались летом, двадцать девятого июля, в День Военно-морского флота, но двадцать шесть лет назад началась война с «джиннами», боевыми роботами негуманоидных цивилизаций, оставившая следы по всей земле, в том числе и в Калужской губернии России, и начало фестиваля перенесли на десятое мая.

Игнат посещал эту «глушь» уже лет восемь.

– Пройди чуть левее, – попросил он киб-пилота.

Флайт медленно проплыл над удивительной конструкцией, напоминающей древний колодезный журавль.

Игнат с любопытством оглядел его, гадая, что это за сооружение.

Издали оно действительно напоминало колодезный сруб

с длинной шеей «журавля», поддерживающего на ажурном шланге бадью с водой. Мало того, материалом сорокаметровой высоты конструкции послужили деревянные поленья, скрепленные между собой каким-то неведомым способом. А в «бадье» вполне мог разместиться приличный двухкомнатный жилой модуль.

– Экзотично, – проговорил вслух Игнат. – Фантазия у создателей на высоте.

Такси высадило его на подворье тетки Веры, умчалось обратно, получив новый вызов.

Игнат неторопливо побрел через небольшой садик к старинному дому в резных деревянных кружевах, с коньком на крыше. До шедевров «АрхСостояния» ему было далеко, однако он был красив по-своему, легок и вызывал теплые чувства.

Тетка Вера, маленькая, светлая, седая, с подвижным добрым лицом, выскочила на крылечко, всплеснула руками:

– Игнаша прилетел!

За ней из сеней вышла тетка Людмила, дородная, степенная, с яркими синими глазами. Она тоже заулыбалась, хотя и более сдержанно. Ее владение располагалось на другом краю дерлока, но обе тетки, возраст которых зашкаливал за девяносто лет, обычно проводили время вместе.

Игнат обнял обеих, с удовольствием отвечая на вопросы женщин, и все трое прошли в дом, сохранивший древнее название – изба.

Больше часа они беседовали, пили чай с вареньем, Игнат шутил, смеялся и чувствовал себя свободно и раскованно, как дома. Потом он решил прогуляться по территории «Арх-Стояния».

Тетки не возражали. Сами они давно привыкли к необычному соседству и толчее туристов, начинавшейся в мае, понимали, что людей тянет в эти места жажда необычного. А посмотреть здесь было на что.

Игнат переделался в спортивный костюм, вызвал такси, — пешком от дома тетки Веры до «АрхСтояния» было далеко-вато, — и взял курс на первые «вытворения», как их называли женщины.

Сначала облетел всю немалую фестивальную территорию по периметру, отмечая наиболее необычные строения. Таких, как он, любителей архитектуры было много, в воздухе над Никола-Ленивцем сновали десятки аппаратов, как частных, так и принадлежащих турфирмам, поэтому приходилось выбирать маршрут.

Затем Игнат высадился у первого строения с необычными очертаниями, которое наметил осмотреть поближе, и отпустил желтый, с белыми полосами пинасс.

Строение напоминало стоявший на корме наклонно к горизонту... Ноев ковчег! Во всяком случае, такое у Игната сложилось впечатление. «Ковчег» был собран из деревянных балок, плах и досок, материала по нынешним временам очень редкого и дорогого. Издали он казался легким, воз-

душным, ажурным, устремленным к небу, вблизи же создавал ощущение мощи, устойчивости и величия.

В его основании, прямо над «кормой», к которой можно было подобраться по узкой лесенке, зияло прямоугольное отверстие, похожее на двери в никуда. Игнат заметил в этом проеме тоненькую фигурку и, заинтересовавшись, поднялся по лесенке к корме, а затем выше – к «двери».

Созерцателем архитектурной инсталляции оказалась девушка лет двадцати трех, одетая практически в такой же белый спортивный тренч, что был и на Игнате. Высокая, стройная, но без особых выдающихся форм, привлекающих мужчин, с довольно простеньким личиком, на котором застыло выражение задумчивости. На губах неяркая помада, не особенно модная. Глаза карие, теплые, рассеянные, с золотистым огоньком. Нос точеный, греческий, как принято говорить. Волосы длинные, соломенного оттенка, падают на спину, связанные в хвост. Игната она заметила не сразу, погруженная в свои мысли, и он не стал ее беспокоить, остановившись поодаль. Прислушался к молчанию «ковчега», и вдруг услышал тихое хрустальное журчание ручья (откуда здесь ручей?), шепот листьев (странно, деревья далеко), музыкальные аккорды (кто играет – не видно) на грани слышимости и струнное гудение ветра в деревянных «перьях».

Девушка почувствовала его присутствие, повернула голову. Туман в ее глазах рассеялся, она улыбнулась чуть смущенно, и он почувствовал нечто вроде электрического раз-

рядя. Такой улыбки он не видел еще ни у кого!

Сглотнул, с усилием возвращая себе способность соображать, улыбнулся в ответ.

– Щекотно, правда?

– Что? – с легким удивлением изогнула бровь девушка. – Почему щекотно?

– Здесь иная энергетика, дышится иначе. Чувствуете? Такое впечатление, что кто-то делает тебе массаж души.

Девушка с любопытством смерила Игната взглядом.

– Вы говорите как поэт.

– Нет, я всего лишь эмтор, пытаюсь найти гармонию в мире вещей. А вы архитектор?

– Всего лишь эфналитик, – отрицательно качнула головой девушка. – И ксенолог. Работаю в ИВКе, институте...

– Я знаю.

– Мой дед был ксенопсихологом, я пошла по его стопам.

– Может быть, я его знаю?

– Гилберт Шоммер.

Игнат, который не раз слышал от отца и деда это имя, с не меньшим интересом посмотрел на незнакомку.

– Да, помню, даже читал какие-то его труды. Давайте познакомимся.

– Давайте.

– Игнат.

– Лилия.

– Шоммер?

– Эллин.

– По мужу?

– По отцу. Шоммер – отец моей мамы.

– Красивая фамилия.

– Спасибо. Как вы здесь оказались?

– В дерлоке живут мои тетки по отцовской линии, Вера и Людмила, я к ним часто навещаюсь.

– Вера Ильинична? Вторые Завесы, частный сектор.

– Точно.

– А мои родственники живут в доме напротив. Я прилетаю сюда редко, но вашу тетю знаю.

– Как ни тривиально звучит, но мир действительно тесен. А что именно привлекло вас на «АрхСтояние»?

Мимо с шипением прошил воздух серо-жемчужный неф «Порше».

Игнат напрягся. Этот неф он встречал уже третий раз, и простой случайностью сей факт быть уже не мог.

– Здесь много интересных инсталляций, заставляющих думать, оживлять фантазию, либо успокаивающих сердце. Фестиваль еще не начался, воркшопы только достраиваются, видите? – Лилия показала на суету строителей неподалеку. – А я не люблю шумные толпы. Вот пришла сюда поразмыслить.

– Мне тоже здесь хорошо думается. Я и сам хотел когда-нибудь поучаствовать в конкурсе.

Неф вернулся, завис над «ковчегом», затем вдруг стрелой

метнулся к разговаривающим молодым людям.

Лилия отшатнулась с легким вскриком и, потеряв равновесие, взмахнула руками, начала падать спиной в проем гигантской «двери».

Игнат прыгнул к ней, изогнулся, дернул за руку, возвращая обратно, крутанулся на пятке и на мгновение прилип грудью к деревянной обшивке с той стороны «двери», где должен был бы находиться «киль». Нашел выступ, вцепился пальцами правой руки, качнулся вправо, повис на пальцах, качнулся влево, нащупал опору для ноги и вытолкнул-вытащил себя на порог «двери». Посмотрел на удалявшийся неф, сказал спокойно:

– Лихач фигов!

Лилия вцепилась в его руку.

– Вы... вы...

Он посмотрел на нее, улыбнулся, похлопал по руке:

– Все нормально. Парень просто бесится от переизбытка недостатка. Жаль, что его выкрутаса не видели инспекторы ФАИ.³

– Вы меня спасли.

– Пустое, просто поддержал под руку. В жизни всякое случается. Знаете что, а давайте посидим где-нибудь в кафе? Я еще не знакомился с ксенологами, а тем более с такими династически знаменитыми.

– Ну, какая из меня знаменитость, – слабо улыбнулась Ли-

³ ФАИ – Федеральная аэроинспекция.

лия. – Дед – тот был действительно известен. – Она заколебалась. – В два часа мне надо быть...

– Мы успеем, до двух часов еще уйма времени. Здесь неподалеку, на окраине дерлока, есть кафе «Острог», очень уютное. Не бывали? Оно располагается на вершине жилой башни, откуда видна вся территория музея.

– Хорошо, минут сорок у меня есть.

Игнат, пользуясь сетью связи Управления, мысленно вызвал такси.

Двухместный пинасс прилетел буквально через минуту, высадив, очевидно, кого-то из прибывающих гостей фестиваля.

– Как это у вас ловко получилось, – искоса посмотрела на спутника девушка. – Я думала, придется ждать не меньше получаса.

– Я еще посуду мыть умею, – улыбнулся Игнат, – и вязать спицами шерстяные носки.

– Чем? – не поняла она.

– Спицами. Никогда в руках не держали?

– Не доводилось. Даже слова такого не знаю.

– У нас еще с двадцатого века в семье хранится разная древняя утварь, прялка, к примеру, спицы, инструменты. Моя прапрабабка вязала носки очень здорово, я слышал это от деда.

Они сели в такси.

Аппарат взлетел над зеленым полем с архитектурными

экспонатами фестиваля.

– Такого музея больше нигде нет, – сказала Лилия, снова становясь задумчивой. – Я была во многих странах мира, видела очень красивые музеи ландшафтной архитектуры, но здесь все иное.

– Я тоже бывал, – сказал Игнат, провожая взглядом проплывающий внизу объект, напоминающий проросшие друг сквозь друга крылья разных птиц. – В Италии, Латвии, Бельгии. Там в зданиях время спит, а тут оно всматривается в нас с легким удивлением.

Лилия оторвалась от созерцания ландшафта, повернулась к нему. Золотистые огоньки в глазах девушки загорелись ярче. Собеседник ей нравился. Впрочем, это чувство было взаимным, хотя дать знакомству объективную оценку Игнат пока не мог. С Лилией просто хотелось быть рядом, и все.

Такси доставило их на крышу невысокой – всего в тридцать два этажа – жилой башни на окраине Никола-Ленивца, откуда они спустились в кафе. Заняли места на веранде, с видом на территорию «АрхСояния» и речку Угру. Лилия заказала себе горячий слим со сливками. Игнат традиционный травяной чай с брусничным вареньем. Варенье из лесных ягод он любил самозабвенно, так что мог есть его с утра и до вечера.

– Над чем работаете? – любопытно спросил он. – Я имею в виду – как ксенолог?

Лилия отвела взгляд от панорамы архитектурных творе-

ний под башней, смущенно пожала плечами:

– Тема моих исследований касается и ксенологии, и эфаналистики. Вы не изучали материалы по футурпрогностике с уклоном в ксенопсихологию?

Игнат с обманчивым простодушием отрицательно качнул головой:

– Я простой скульптор, ксенология мне была ни к чему. Но кое-чем из этой области науки я интересовался.

– Я начинала работать над прогностикой посткомпативного человечества.

– Это мне знакомо. Уже сейчас инки начинают вести себя как волевой оператор, заменяют людей все больше и больше, особенно в экстремальных видах производства, а дальше они вообще прорастут в нас как дополнительные интеллект-системы, станут органической частью человечества.

Брови Лилия взлетели на лоб.

– Вы меня разыгрываете? Так может рассуждать только специалист.

Игнат не выдержал, засмеялся.

– Нет, я действительно эмтор, мне нравится создавать эмоционально насыщенные видеоскульптурные композиции, но я заканчивал МГУ, факультет ксенолингвистики.

– Тогда понятно. Только вряд ли вам понравится слушать человека, засунувшего как страус голову в песок мало кого интересующих проблем. Вам и своих хватает.

– Хотите узнать, как решаются любые проблемы?

– Хочу, – простодушно кивнула Лилия.

– Это напоминает процесс реализации компьютерной программы. На вход подается запрос: эта хреновина работает? Предполагается два варианта ответа. Первый: не трогай ее. Второй: ты ее трогал? По первому варианту вообще все легко: если ты ее не трогал, то и проблемы не возникает.

Лилия показала свою ослепительную улыбку, и сердце Игната дало сбой.

– Похоже, я догадываюсь, что происходит во втором случае.

– На вопрос: ты ее трогал? – тоже можно дать два ответа. Первый: нет, не трогал. Еще вопрос: кто-нибудь разозлился из-за этого? Первый ответ: нет. Реакция: ну и забудь об этом. Второй ответ: да, рассердился. Реакция: ты несчастный дурак! Сможешь свалить вину на другого? Если ответ – да, то проблема сама собой рассасывается, так как ее должен решать другой человек. Если ответ – нет, то проблема достается тому самому дураку, который не может свалить вину на другого человека. А так как он решить ее не в состоянии, то проблема так и остается на выходе программы нерешенной. В таком случае она никому не нужна.

Лилия скептически покачала головой.

– Слабенький тест на сообразительность.

– Мне его рассказал мой приятель. Давайте вернемся к вашей работе.

– Я вас предупредила.

Игнат клятвенно прижал руку к груди:

– Жаловаться никому не буду.

Внезапно из-под козырька веранды поднялся и завис на-против беседующих молодых людей знакомый серо-серебристый неф «Порше».

Игнат перешел в инсайт-состояние, мгновенно оценил исходящие от пассажиров внутри аппарата – их было двое – токи внимания и угрозы, слегка успокоился: в ауре обоих молодых парней, сидящих в кабине флайта (один – китаец, второй – смуглолицый уроженец Кавказа), не было агрессивных устремлений, лишь нагловатая пренебрежительная спесь, опиравшаяся на ложное ощущение вседозволенности и веры в свои силы.

Лилия с недоумением посмотрела на флайт.

– Это они, да? Что им от нас надо?

– У них было тяжелое детство, – пошутил Игнат, – отсутствие воспитания, накачанные бицепсы. Парни дурачатся. Да бог с ними, давайте уйдем отсюда.

Лилия изогнула бровь, что означало у нее возникновение каких-то сомнений.

– Вы их боитесь?

Игнат озадаченно пригладил волосы на затылке.

– Боюсь? Нет, конечно. Просто не люблю конфликтовать с людьми.

– Потому что не можете за себя постоять?

– Потому что не считаю это способом самоутверждения.

– Но эти хулиганы едва не сбросили нас с десятиметровой высоты.

– Пожалейте их, это, наверно, единственный способ развлечения у им подобных. К тому же... – Игнат не договорил.

Блистер нефа ушел в паз, на беседующую пару на веранде устались два ухмыляющихся лица.

– Эй, люсер, травку не хочис купит? – спросил смуглолицый у Игната; говорил он на русском, с отчетливым «кавказским» акцентом.

– Тевушка, ити к нам, – заговорил и китаец, с примерно таким же акцентом, разглядывая Лилию маслеными глазами. – Покатаэмса. Путэш сасэм товолна.

Оба заржали.

– Ты больше не хочешь? – осведомился Игнат у собеседницы, кивнув на ее полупустую чашку.

– Что? – не поняла она, опустила голову, посмотрела на чашку. – А-а... нет, не хочу.

– Позволь?

В то же мгновение чашка с остатками слима оказалась в руке Игната и с силой вонзилась в лоб китайцу.

Он ахнул, откидываясь на спинку сиденья.

Чашка лопнула, выплескивая содержимое на лицо парня и одежду.

Его спутник с недоумением посмотрел на приятеля, перевел взгляд на Игната, и ему в нос врезалась фарфоровая чашка Игната с остатками чая. Удар получился такой силы, что

чашка разлетелась вдребезги, а ойкнувший любитель «травки», по сути, получил нокаут.

Флайт начал медленно опускаться, исчез под козырьком веранды.

Посетители кафе, их было человек пятнадцать, ничего не заметили, так быстро все произошло. Лишь один мужчина приятной наружности, ставший свидетелем финала разговора, поднял большой палец, оценив действия Игната.

Глаза ошеломленной Лилии стали большими. Изумление в них боролось с недоверием и одобрением.

– А говорите, что не любите конфликтовать.

– Сами виноваты, – пожал плечами Игнат. – Придется теперь платить за посуду. Я не боюсь, что они вернутся, но предлагаю найти другое место для беседы.

Лилия очнулась, вызвала отсчет времени.

– Нет, я уже должна идти.

– Жаль. Можно я вас провожу? – Игнат с готовностью поднялся, снова подключаясь к сети «спрута» и вызывая такси.

– Хорошо, – кивнула девушка. – До метро.

Игнат заплатил за напитки, и они поднялись на крышу башни.

Аппарата с представителями южной и азиатской стран, испытывшими на себе терпение россиянина, нигде видно не было. Зато с неба спустился желтый, в черными полосками, пинасс такси.

– Вы волшебник, – заметила Лилия, покачав головой.

– Конечно, – согласился Игнат, приглашая ее сесть. – Метание чашек с напитками просто мое хобби. Если захотите, я и вас научу.

– Нет, спасибо, – засмеялась она, отчего у Игната перехватило дыхание. – Лучше научите вызывать такси, чтобы оно прибывало через минуту.

– Договорились.

Пинасс свечой вонзился в небо.

Панорама дерлока Никола-Ленивец с прилегающими к нему экопарками, лесами и полями ушла вниз. Вдали, за башней с кафе «Острог» появился серебристый неф «Порше», но за такси гнаться не стал. Урок, преподанный Игнатом его пассажирам, подействовал на них отрезвляюще. Тем не менее Игнат связался с базой и попросил дежурного «пробить» номер аппарата по банку данных ФАИ, выяснить, кому он принадлежит и что за пацаны на нем катаются, пренебрегая правилами аэротранспортного движения.

– Я вас слушаю, – сказал Игнат, чувствуя плечом тепло тела девушки. – Вы заговорили о проблемах.

– А вы доходчиво объяснили мне, как их решать.

– Я пошутил. Seriously, над чем вы работаете? Это связано с проблемами, которые решал ваш дед?

– Я продолжила его поиск концепции эволюционных рядов. Если вы знаете, над чем работал Гилберт Шоммер, то должны знать и его выводы.

– Иксоиды, гиперптериды, Черви Угаага и мы, люди, яв-

ляемся ступенями развития разума в Метагалактике.

– Эволюция началась с Протеев, но это не важно. Дед считал, что человечество послужит зародышем иной формы разума, он назвал ее ангелоидами.

Игнат улыбнулся.

– Забавная идея. По-моему, ее раскритиковали все ученые в то время.

Брови Лилии сдвинулись.

– Неудачно только название – ангелоиды, смысл самой идеи остается абсолютно точным. Дед был прав в главном: разум вообще представляет собой промежуточную стадию эволюции материи в Мультиверсе.

– Эта идея была высказана еще в древности, нет?

– В конце двадцатого века, но разработана подетально только сейчас. Вас не интересовало, что будет потом, после нас, когда мы уйдем? Кто сменит человечество?

– Ангелоиды?

– Дались вам эти ангелоиды. Поставьте вопрос шире: кто сменит *разум* Вселенной, какая сила? Если человек представляет собой одну из форм разума, то какой Ум сменит *Разум*?

– Ум за Разумом, – невольно фыркнул Игнат. Заметил, что его шутки не нравятся собеседнице, поднял руки. – Все, больше не буду. Я понял. Вы работаете над эволюционными рядами жизни в глобальном масштабе. Так? Очень интересно!

Лилия посмотрела на него с сомнением.

– Вам действительно интересно?

– Честно! Я никогда не думал об этом. Звучит смешно – Ум за Разумом, но эта фраза отражает колоссальную глубину проблемы. Обещайте, что мы встретимся, и вы мне расскажете обо всем поподробней.

Лилия сделалась задумчивой, отвернулась.

– У меня практически нет на это времени.

– Находите же вы время на экскурсии.

– Это бывает очень и очень редко. Обычно я все дни и ночи провожу с инками института.

– Я вас прошу! – Игнат взял девушку за руку. – Дадите номер мобика? Я позвоню.

Лилия посмотрела на свою руку, не спеша выдергивать ее из рук Ромашина, прищурилась.

– Ум за Разумом, говорите?

Игнат поспешно выпустил ладошку девушки.

Она улыбнулась.

– Я долго мучилась, как назвать следующую стадию раз-
умогенеза, теперь назову – УММ.

– Замечательное название.

– Вы снова шутите?

– Ни в коем случае! Так вы не возражаете?

Такси нырнуло к шпилью метро Медыни.

– Запишите номер.

– Я запомню.

Лилия продиктовала номер мобильного вифона, Игнат подал ей руку, помог выбраться из такси, и девушка помахала ему рукой.

– Дальше доберусь сама, звоните.

Игнат проследил, как она входит в одну из свободных кабин метро, и вдруг понял, что влюбился.

Глава 5

ПОСТАВЬТЕ ВСЕХ «НА УШИ»

Космос был великолепен! В зале визинга фрегата «Енисей», дрейфующего между орбитами Марса и Юпитера, в поясе астероидов, никого не было, и Артем какое-то время безмолвно любовался звездной панорамой, распахнувшейся под ногами, обнимавшей весь корабль; Солнце пряталось в данный момент за кормой фрегата и наблюдать звезды не мешало.

В ушах проклюнулся хрустально чистый звук, предваряющий сообщение лиги контроля Солнечной системы: «В Системе все спокойно». И снова сознанием Ромашина завладела тишина, дополняющая ощущение глубокого покоя, рожденного созерцанием звездного мира.

Мысли свернули к положению вещей внутри космического дома человечества – Солнечной системы.

«Криптоид» взорвался, не оставив никаких следов, если не считать таковыми гигантский разлом на поверхности Луны, в районе борозды Маскелайн.

Все причастные к этому взрыву люди, задумавшие уничтожить Луну, Землю и вообще часть Галактики вокруг Солнца, были схвачены, осуждены и помещены в исправительные учреждения на разные сроки. Самый большой срок,

если слово «пожизненно» можно было считать мерой времени, получил Ульрих Хорст, хотя американская прокуратура и выходила в Европейский Совет по наказаниям с предложением подвергнуть Хорста эвтаназии. Однако европейцы, вздохнувшие спокойно после войны с боевыми роботами иксоидов и гиперптеридов, в эйфории всепрощения пощадили Хорста, а спустя двадцать пять лет после жутких боев земной защитной системы с «джиннами» и моллюсками вообще выпустили младшего Хорста на свободу.

Артем вздохнул.

С выходом Ульриха из ганноверского централа у Службы безопасности добавилось забот. И по мнению Ромашина, освобождение Хорста предвещало человечеству новые потрясения.

Вспомнились предупреждения Шоммера. Ведущий ксенолог ИВКа утверждал, что далеко не каждый его потомок станет ангелоидом. И хотя высказано это было в шуточной форме, смысл предупреждения был понятен: прежде, чем выйти на вершины поистине магического оперирования материей, человечеству предстоял нелегкий путь проб и ошибок, а иногда и войн с самим собой.

Артем еще раз вздохнул.

Шоммер проявил в себе *знания* ангелоидов лишь один раз, когда советовал не трогать «Криптоид». После этого он хотя и остался блестящим ученым, способным предвидеть многие препятствия на пути человека в космосе, однако до

самой смерти больше не проявлялся как посланник ангелов. И все же он был очень нужен Службе безопасности, поскольку не раз давал сотрудникам Службы дельные советы.

«Артем, мы вас ждем», – заговорил имплант рации «спрута», внедренный в слуховой нерв.

«Иду», – мысленно отозвался Ромашин, стряхивая с себя оцепенение.

Спустился к отсеку метро в трюме фрегата, не встретив на пути ни одного человека, вошел в кабину и вышел из такой же кабины в недрах здания УАСС под Рязанью. Через две минуты он уже открывал дверь рабочего модуля директора Федеральной Службы безопасности.

В небольшом помещении модуля, называемого по старинке кабинетом, сидели за столом трое мужчин и одна женщина. Мужчин Артем знал, потому что работал с ними, женщину видел впервые.

– Знакомьтесь, – сказал директор ФСБ Вильям Смахов, сухощавый, с ежиком темно-русых волос, сероглазый, внимательный; чем-то он напоминал Артему бывшего начальника УВР Володю Калаева. – Артем Ромашин, этик-юрист. Камелия Дельмар, координатор Интерпола.

Артем коротко поклонился, отметив несомненную «южную» красоту женщины, по всей видимости – испанки. Поздоровался с мужчинами, пожав им руки, сел напротив представительницы Интерпола.

– Начинайте, Камелия, – кивнул Смахов.

Он был моложе Ромашина на семнадцать лет, но занимал кресло Директора по праву, проявив себя как исключительный организатор и аналитик при разработке планов гашения многих межгосударственных конфликтов. Фамилия Смехов ему не шла, однако Артем не знал ни одного знакомого сотрудника Службы, кто способен был пошутить на этот счет.

– Мы встревожены, – заговорила Камелия Дельмар по-английски. – Исчез выпущенный на свободу преступник. Мы объявили всеземной розыск, однако никаких результатов не добились.

– Кто преступник? – спросил Артем, уже догадываясь, о ком зашла речь.

– Ульрих Хорст.

Ромашин встретил взгляд Кирилла Бондаря, выражавший сомнение и вопрос. Понять начальника группы «Соло» было легко: совсем недавно они уже говорили о Хорсте, осуждали решение Европейской Комиссии по помилованию и прогнозировали рост негативного фона в криминальной среде.

– Мало того, с момента исчезновения бывшего заключенного, – продолжила Камелия Дельмар, – произошло пять нападений на известных в прошлом людей. Все они погибли. В том числе – Брайан Маккормик, бывший полковник Погранслужбы, ставший опекуном Ульриха Хорста.

В кабинете стало совсем тихо.

Смехов выключил звуковое сопровождение рабочего стола, и лишь бегающие по столешнице огоньки и короткие

бланк-сообщения, предназначенные только директору ФСБ, напоминали о занятости этого человека.

Начальник Управления внутренних расследований Майкл Хоук, сидевший рядом с Артемом, тихо произнес:

– Мы в курсе. И наши юристы возражали против решения комиссаров ЕСИН освободить Хорста. Почему вы не сообщили нам сразу о его исчезновении? Ведь прошло три дня, не так ли?

Камелия посмотрела на директора, и он негромко сказал:

– Их можно понять. Была поднята на ноги вся кримполиция Европы. Они считали, что легко найдут беглеца и заставят жить как законопослушного гражданина. Но вы не знаете главного. Час назад было совершено нападение на Вилора Лапарру. Он чудом остался жив.

Снова кабинетом завладела тишина.

– В принципе, – добавил Смехов после паузы, – это уже по нашей части. Начинаем работать. Майкл, коллеги готовы дать нам все материалы, связанные с делом Ульриха Хорста. Начните сразу с режима «на уши».

Хоук кивнул. Режимом «на уши» в среде профессионалов Службы назывался императив «обнуление тревоги», приводящий защитную систему человечества в состояние боевой готовности.

– Второе: у меня нет полной информации по делу НЕСПАСЕ. Есть результаты?

Сидящие в кабинете мужчины переглянулись.

Артем догадался, что Смехов заговорил об этом намеренно, чтобы затронутая тема подействовала на координатора Интерпола. Обычно подробности *работы* ФСБ не выходили за стены учреждения.

– Европарламентарии готовят законопроект, запрещающий агентам спецслужб всех рангов пользоваться сетью метро на территории Европы, – заговорил Хоук невозмутимо. Он тоже не понял намерений директора, но с ходу поддержал его, не раскрывая способа, с помощью которого были добыты сведения. – Якобы для укрепления безопасности густонаселенных районов Европы и снижения угрозы жизни ее граждан.

– Что вы сказали? – удивилась Камелия. – Зачем это им? И как они собираются контролировать исполнение такого закона?

– Вряд ли это достижимо, – усмехнулся Смехов. – А вот зачем закон понадобился европолитикам, понятно. Во-первых, это даст возможность насолить России, а также хороший предлог заставить всех говорить о НЕСПАСЕ, рейтинг которой упал почти до нуля. Во-вторых, стремление евронаций дорожить жизнями членов Евросообщества проистекает не из любви к ближнему, а из любви к собственному физическому телу. Борьба со злом давно выродилась для европейцев в борьбу за сохранение своего образа жизни. Их девиз – все на потребу тела. Больше, лучше, вкуснее, роскошней – вот смысл существования западного человека. Вы не

согласны?

Он оценивающе посмотрел на Камелию Дельмар.

Все мужчины в кабинете сделали то же самое.

Представительница Интерпола очаровательно улыбнулась.

– Я не готова к дискуссии, сеньоры. Могу только сказать, что я на вашей стороне. Евродейатели из НЕСПАСЕ и прочих организаций подобного толка не понимают, что с Россией нельзя ссориться, с ней лучше всего дружить и сотрудничать. Они не понимают и другого, что космос изучают, рискуя жизнью, в основном россияне, привыкшие испокон веков летать с безумным риском не за деньги, а за интерес. Такие подвиги не под силу ни европейцам, ни американцам.

Директор ФСБ поиграл бровью, разглядывая лицо Камелии, привыкшей не смущаться под взглядами мужчин, сказал с ноткой доверительности:

– Вы правы, сеньора. Давно известно, что только русские люди могут заниматься экстремальными видами спорта и жить при этом в экстремальных условиях.

– Я канадец, – напомнил о себе Майкл Хоук с прежней невозмутимостью.

– Вы исключение из правил, – пожал плечами Смехов. – И канадцы, и американцы, и европейцы если и соглашаются рискнуть, то за большие гонорары, чтобы затем начать «жить красиво». Наши люди делают то же самое задаром или из чисто спортивного интереса. Я затеял этот разговор не ра-

ди дискуссии, мне хотелось услышать мнение координатора Интерпола. Камелия, в вашем роду случайно не было выходцев из России?

– Были, – кивнула женщина.

Смехов улыбнулся, отчего лицо его сразу стало дружелюбным и приветливым. Но лишь на одно мгновение.

– Воистину права поговорка: ткни пальцем в испанца и найдешь в нем русского.

Артем с любопытством посмотрел на директора, явно перефразировавшего другую известную поговорку.

– Можно вопрос не по существу? – продолжил между тем Смехов.

– Разумеется, господин директор, – ответила Камелия.

– Что вы считаете самым необходимым для благополучной жизни?

Артем, уже сообразивший, что директор просто испытывает гостью, вспомнил цифры статистического опроса населения Земли по данной проблеме.

Евронации по-разному относились к оценкам благополучия, несмотря на общие властные структуры. Для немцев главной составляющей благополучной жизни являлось здоровье. Для англичан – гарантия будущего благополучия. Для финнов, норвежцев и шведов – природа. Швейцария посчитала основным фактором счастья наличие партнера. Венгры, датчане и бельгийцы, да и американцы на другом материке Земли, определили, что для них самым важным является

трата денег. Французы и россияне сделали упор на семье. А вот итальянцы и испанцы отдали предпочтение культуре.

– Вы тестируете меня? – с сомнением приподняла бровь Камелия Дельмар.

– Если вам вопрос не понравился, можете не отвечать.

– Почему же, отвечу: для меня главное в жизни – дети.

– Вы замужем?

– Была.

Директор глянул на сидевших смирно мужчин.

– Товарищи офицеры, вы свободны. Сеньора Дельмар задержится на пару минут, а потом присоединится к вам.

Артем поднялся, вышел из кабинета вслед за Хоуком и Бондарем.

– Поднимемся ко мне, – сказал начальник УВР.

Встали на ленту бегущего транспортарика, занимавшего левую сторону коридора, добрались до лифта и поднялись на этаж выше.

Кабинет Хоука практически ничем не отличался от рабочего модуля директора ФСБ. Даже видеопласт кабинета был настроен одинаково, показывая закат на берегу моря.

Майкл выключил иллюзорную картинку, жестом пригласил подчиненных сесть за стол.

– Напитки?

– Слим, – сказал Бондарь.

– Чай с лимоном, – сказал Артем.

Хоук не сделал ни одного жеста, не сказал ни одного сло-

ва, но ровно через минуту открылась дверь и девушка-витс, заменявшая секретаря и охранника, принесла поднос с напитками. Сам Хоук, как оказалось, заказал кофе с горячим молоком.

Вспыхнул виом инка рядом со столом. Возникший в объеме передачи молодой человек – фантом самого инка начал вводить сидящих за столом в курс проблемы.

Артем не удивился оперативности Хоука. Очевидно, еще в кабинете директора начальник УВР связался с Управлением информационного обеспечения, и сотрудники Управления выдали ему полный интенционал по делу Хорста.

Сообщение состояло из показа схем, видеоматериалов и десятиминутного доклада о поведении Хорста в исправительном учреждении Ганновера и после освобождения, с показом его практической деятельности за двадцать пять лет. По материалам тюремщиков, Хорст-младший усиленно занимался рукопашным боем, изучал ксенологию и ксенолингвистику, смотрел новости по видео, боевики и эротические фильмы, а также не без удовольствия пользовался секс-услугами витс-партнерши.

– Он здорово выглядит, – заметил Бондарь, когда инк продемонстрировал облик Хорста. – Сплошные мышцы. Самому, что ли, сесть в тюрьму, позаниматься бодибилдингом и боевыми искусствами?

– Ваше мнение, господа? – не принял его шутки Хоук. Бондарь посерьезнел, покосился на Ромашина.

– Он исчез почти сразу после переезда из тюрьмы в гостиницу, – проговорил Артем задумчиво. – На второй день. И никто этого не заметил. Понимаете? Это уровень очень высоких магических качеств.

– Хотите сказать, это уровень «джиннов»? – хмыкнул начальник группы «Соло».

– Хорст много общался с моллюскором.

– Если бы он позаимствовал кое-какие качества моллюска, вряд ли просидел бы в заключении так долго.

Хоук покачал головой.

– Хорст был неплохо подготовлен, но особых *умений*, отличающих его от профессионально подготовленных людей, не проявлял. К тому же сейчас легко можно найти высокотехнологичных операторов, ту же систему нанитов, которая намного повышает возможности человека. Мы уже вплотную подобрались к БОГ-технологиям,⁴ и почти любой из нас может ими воспользоваться.

– Совершенно верно, – согласился Артем. – Но для того чтобы Хорст мог воспользоваться современной технологической магией, кто-то должен был ему ее предоставить, дать доступ к управлению материальными структурами.

Хоук откинулся на спинку кресла.

– Вы считаете, ему кто-то помог? Кто?

– Разрешите, я проанализирую весь материал плюс тот, что готова передать сеньора Дельмар, и сообщу о своих вы-

⁴ БОГ – аббревиатура слов «без ограничений».

водах.

– Не задерживайте, Артем Кузьмич. Нам приказано поставить всех «на уши», и мы поставим.

– К вечеру анализ будет готов.

– В таком случае давайте обсудим другие наши первоочередные проблемы.

Бондарь и Артем молча подключили к оперативному полю инка свои инфоры. Это давало им возможность обсуждать дела втрое быстрее, нежели позволял вербальный уровень общения.

* * *

В защитных бункерах, где можно было укрыться от вездесущих иксоидских «моллюскорчиков», давно не было нужды, поэтому Игната, вернувшегося из трехдневного отпуска, пригласили в Рязань, в пятидесятиэтажный особняк Управления аварийно-спасательной службы, где у начальника группы «Соло» Федеральной Службы безопасности имелся свой рабочий модуль.

Когда Игнат, пребывавший в хорошем расположении духа, вошел в кабинет Бондаря, его встретил Ромашин-старший.

– Ты один? – удивился Игнат, обняв отца. – А где полковник? Или ты пошел на повышение, занял его место?

– Вряд ли это можно назвать повышением, – скупно улыб-

нулся Артем. – Мой статус генеральский. Кирилл сейчас придет. А что это ты в игривом настроении?

Игнат смутился.

– Нормально все. В Никола-Ленивец слетал. С девушкой познакомился.

Артем с любопытством оглядел обычно безмятежное лицо сына.

– С девушкой? Замечательно. Можно узнать, кто она?

Игнат заколебался было, потом все-таки сказал:

– Ее зовут Лилия. Она внучка Гилберта Шоммера.

Артем хмыкнул.

– Не знаю даже, что и сказать. Мир, оказывается, теснее, чем мы думаем.

– Я знаю, что ты хорошо знал Шоммера, работал с ним много лет.

– Я не знал, что у него есть внучка. Она красивая?

– Ну, не то чтобы уж совсем, но хорошенькая. Улыбается здорово: прямо луч света в темном царстве.

– Говорят, бог делает женщину прекрасной, а дьявол хорошенькой. Это не из той оперы?

Игнат нахмурился.

– Ты хочешь меня обидеть?

Артем улыбнулся, на мгновение прижал сына к себе.

– Я неудачно пошутил. Кто она? Учится, работает?

– Она по образованию ксенолингвист, как и я, занимается эфнализом.

– Ты об этом ей сказал?

– А разве это секрет? Так, зацепились за образование, я вынужден был признаться. Хотя она уверена, что я эмтор.

– Чем она интересуется?

– Сказала, что продолжает работу деда. – Игнат оживился. – Ищет тех, кто придет на смену человечеству.

– Ангелоидов, что ли?

– Она назвала эту эволюционную стадию – УММ.

– Как? – удивился Артем.

– Сокращенно от слов «Ум за Разумом». Термин придумал я, она взяла его на вооружение.

– Ум за разум?

– Зря смеешься, меня эта тема заинтересовала. Теорию эволюционных рядов я изучал еще на втором курсе института, но она пошла дальше.

– Забавно!

– Ты о чем?

– Похоже, ты нашел себе консультанта раньше, чем мы выдали тебе задание.

Игнат продолжал вопросительно смотреть на отца, но в этот момент появился хозяин кабинета. Пожал руку Игнату, пригласил сесть. Мужчины разместились за полупрозрачным столом Бондаря, в толстой столешнице которого разгорались и гасли световые транспаранты и сигналы.

– Краткая вводная по твоему новому заданию, – сказал начальник группы «Соло». – Мы хотели подключить тебя к

работе по одной космической проблеме, но появилась срочная необходимость решать проблему иного плана.

– Что случилось?

– На свободу вышел Ульрих Хорст.

Игнат посмотрел на отца. Артем кивнул.

– Я тебе рассказывал о нем.

– Хорст – инициатор контакта с «джиннами», – продолжил Бондарь, – а потом с моллюсками. По его вине разгорелась война между роботами – иксоидским и гиперптеридским, которая перекинулась на весь космос внутри Солнечной системы. Погибло много людей.

– Я в курсе.

– Несколько дней назад Хорста выпустили из ганноверского централа, после чего началась череда странных преступлений: убийств и нападений на общественно значимых деятелей.

– Вы связываете это с ним? Но ведь он должен быть под надзором сотрудников Комиссии по помилованию.

– Хорст исчез. Найти его не смогли ни полиция Германии, ни Интерпол, ни европейские службы безопасности. Опекун, на которого возложили обязанности контактировать с бывшим заключенным, убит. Убит прокурор, с подачи которого Ульрих Хорст получил «вышку», то есть пожизненное. Убит родной дядя Хорста Уве Гринберг. Совершено нападение на директора УАСС Вилора Лапарру и на бывшего заместителя командора Погранслужбы Савву Полонски. Оба остались

живы, но находятся в реанимации в тяжелом состоянии.

Над столом бесшумно вырос столбик прозрачного золотистого света и через две секунды убрался обратно в стол. Бондарь очевидно ответил какому-то абоненту по линии мысли-связи «спрута».

– Такие вот пироги, – закончил он. – И это еще не все. Буквально час назад нам сообщили, что на Полюсе Недоступности уничтожено кладбище «джиннов».

По кабинету разлилось молчание.

Бондарь занялся переговорами с абонентами, чьи вызовы посчитал важными.

Игнат посмотрел на отца.

– Почему вы так уверены, что это дело рук Хорста? Уничтожение кладбища «джиннов» – это теракт иного уровня, одному человеку он недоступен.

– А кто сказал, что Хорст один? Уже его исчезновение из поля зрения надзирающих органов говорит о больших возможностях беглеца. Мы учитываем то обстоятельство, что он контактировал с моллюском, занимался аутотренингом и вполне мог за двадцать пять лет реанимировать какие-то внутренние резервы, доставшиеся ему от моллюска.

– Но зачем ему убивать людей, давно отошедших от дел?!
Артем поморщился.

– У него повреждена психика, и с этим нам придется считаться. Если он начал с ликвидации прокурора, то доберется и до нас. Мы, конечно, примем меры, но, судя по разверты-

ванию событий, нам придется напрячь все свои силы.

– В таком случае ты его враг номер один.

– Был. – Артем усмехнулся. – Впрочем, вряд ли его чувства ко мне изменились. Ничего, пусть попробует меня достать. Другое дело – мама... и наши друзья. Вот почему задание твое очень ответственно.

– Понимаю.

Помолчали.

– А что за космическое задание вы хотели дать?

– Превентивное шевеление. – Бондарь закончил свои переговоры. – Что-нибудь слышал об открытой четыреста с лишним лет назад Великой Пустоте?

– Нет.

– В созвездии Эридана на расстоянии в два миллиона световых лет от Солнца астрономы обнаружили необычный артефакт – гигантскую пустоту диаметром около одного миллиарда световых лет. Внутри нее нет ни звезд, ни пылевых облаков, ни реликтового излучения, вообще никаких материальных объектов и полей.

– Я тебе дам интенционал по ВП, – сказал Артем.

– Потом стало известно, что эта «дырка в пространстве», получившая название Великая Пустота, увеличивается в размерах, причем невероятно быстро, почти с инфляционным градиентом.

– Быстрее скорости света?

– Намного.

– Как же удалось это обнаружить?

– Расширение ВП прекратилось всего полгода назад. Академия астрофизики заинтересовалась этим явлением, и Даль-разведка уже готовит к ВП экспедицию, хотя так далеко наши корабли еще не ходили.

– Безусловно, это интересная вещь, но с какого боку ею должна заниматься контора?

– Появились «свисты».

Игнат взгляделся в лицо начальника группы, но оно осталось серьезным. Пошутил сам:

– Надеюсь, не Соловей-разбойник свистит?

– Солнечную систему каждые двадцать минут пронизывает сгусток торсионного поля, названный «свистом». Умники из нашего экспертного Управления утверждают, что это закодированные и упакованные особым образом массивы информации. Расшифровке они пока не поддаются. Но самое главное, что «свисты» направлены...

– На ВП.

Бондарь помассировал кончиком пальца верхнюю губу, посмотрел на Ромашина-старшего.

– Вы его уже сориентировали?

– Нет, – сказал Артем.

– Тогда он читает мысли.

– Нет, – сказал Игнат.

Бондарь засмеялся.

– С вашей семейкой приятно работать. Короче, «свисты»

действительно направлены к Великой Пустоте. Связь несомненна, хотя догадаться, что это означает, трудно.

– А что, я бы взялся и за это дело, – сказал Игнат небрежно. – Как дополнительный оператор расследования. Кому вы поручили «свисты»?

– Ноэрану Буване.

– Первый раз слышу это имя.

– Он такой же индивидуал, как и ты. Индеец американского племени лакота. Астрофизик и гонщик. Хороший парень. У нас недавно. Боюсь, ему будет не слишком приятно узнать, что мы его подстраховываем.

– Но дело важное? Почему вы всполошились?

– Просто отрабатываем стандартный СРАМ⁵... в надежде, что не придется разворачивать императив «отвага». ⁶ Вы оба «солисты»...

– Думаю, Игнат не помешает, – корректно сказал Артем. – Они смогут работать и в паре. – Он перевел оценивающий взгляд на сына. – Хотя приоритетным останется первое задание.

Бондарь побарабанил пальцами по столу.

– Хорошо, попробуем. Все материалы по этим двум проблемам можешь скачать у меня или у отца. Вопросы есть?

– Готов приступить к службе.

⁵ СРАМ – сведение риска к абсолютному минимуму, пункт общей инструкции Службы безопасности.

⁶ «Отвага» – императив «отражение внешней агрессии».

– Подожди меня в коридоре, – сказал Артем.

Игнат встал, щелкнул каблуками, вышел.

– Я когда-то был точно таким же, – сказал Ромашин-старший, проводив его взглядом. – Верил в себя до неприличия и ни в чем не сомневался.

– Ну, это нормально, – сказал Бондарь. – В двадцать пять и я свято верил, что неразрешимых проблем нет.

– А разве есть?

– Человек! – твердо произнес начальник группы «Соло». – Это главная неразрешимая проблема современности. Хорст – яркий тому пример. Что он задумал? Кто ему помог?

Артем помолчал.

– В конце концов мы это выясним. А начать надо с поиска бывших друзей Хорста. Один он не сможет ничего сделать, будь у него даже семь пядей во лбу, ему нужны помощники. Уверен, что он начал собирать команду.

– Гениталии всех стран, соединяйтесь! – усмехнулся Бондарь. – Если уничтожение кладбища «джиннов» на Полюсе его рук дело, то команду он уже собрал.

– С кладбищем не все ясно, – покачал головой Бондарь. – Прав Игнат, это даже не наш уровень – уровень большой и энергетически независимой *системы*. Мы бы наверно смогли взорвать могильники, но потратили бы уйму времени, средств и сил. А кладбище взорвано чисто, никто никого не видел.

– Хотел бы я знать, для чего это сделано.

Артем выбрался из-за стола.

– Ладно, я на связи. Позаботьтесь об усилении охраны всех важных объектов, а главное – людей. Чует мое сердце, эта тварь скоро выйдет на...

– На вас, – закончил Бондарь.

Артем вышел.

В коридоре его ждал Игнат, с увлечением – руки в карманы уника – наблюдавший за стаей птиц, заставляющих останавливаться или сворачивать летательные аппараты между ближайшими зданиями.

– Ничего не бояться, – кивнул он на стаю. – В городах надо завести птиц покрупнее, лихачей сразу поубавится.

Артем постоял рядом, глядя сквозь прозрачную стену коридора на стаю ворон, потом взял сына под руку.

– Игнат, я знаю, что ты умеешь видеть будущее.

– Па...

– Ну, или предвидеть опасные события. Знаю, что это требует большого расхода сил. Но мне очень хочется обезопасить...

– Маму, – продолжил Игнат.

– Кирилл догадывается, что ты умеешь читать мысли.

– Я делаю это только в крайнем случае и когда сильно надо.

– Передо мной тебе не в чем оправдываться. Мама не зря называет тебя иногда «внуком джинна». Уверяю тебя, она в большой опасности.

– Этот Хорст... так нас ненавидит?

– Он не остановится ни перед чем!

Они направились к лифту, чтобы спуститься в метро; УАСС имела свою систему мгновенного транспорта.

– Хорошо, я попробую, – пообещал Игнат.

В стаю ворон, продолжавшую кружить между зданиями старинного центра Москвы, вдруг врезался на всей скорости ярко-красный куттер, так что она брызнула в разные стороны черными хлопьями.

Куттер не остановился, помчался дальше, и за ним стрелой скользнул белый когг воздушно-патрульной службы.

Ромашины переглянулись.

– Это иллюстрация к твоему предложению насчет стаи больших птиц, – сказал Артем. – Наглецов не остановит никакое препятствие, даже живые люди, не то что птицы.

Игнат помрачнел. Возразить ему было нечего.

Глава 6

ПОЛЮС НЕДОСТУПНОСТИ

Игнат выполнил обещание «посмотреть в будущее», данное отцу, в тот же день.

Это действительно стоило ему огромного расхода нервной энергии, однако он не остановился и довел сеанс «волевого ясновидения» до конца.

Осмысленная чуть позже картина негативных тенденций не обрадовала. Разумеется, она не была четкой, хотя изредка в сплетении меняющихся полевых форм протаивали человеческие – не лица и фигуры – психофизические объемы, ауры. И тем не менее Игнат совершенно точно определил, что и маме, и отцу, и деду Кузьме, и ему самому грозит опасность. Надо было принимать срочные меры, чтобы ее избежать.

Игнат связался с отцом, передал ему свои ощущения и видение ситуации, и тот поделился с ним своими планами спрятать где-нибудь Зари-му и деда.

– Лучше всего на Полюсе, – предложил Игнат. – Я туда все равно полечу, чтобы посмотреть на взорванное кладбище «джиннов», и заодно провожу обоих.

– Я подумаю, – пообещал Артем.

С напарником по «космическому» заданию знакомиться не хотелось. Подумав, Игнат отложил встречу на вечер. По-

сле этого он набросал план действий на ближайшие несколько дней и начал его выполнять. Очень донимало желание позвонить Лилии и встретиться, однако он героически наступил мечте на горло. Прежде чем расслабляться в компании симпатичной девушки, следовало этот кайф заработать.

Сначала он просмотрел выданный ему список всех бывших приятелей и знакомых Ульриха Хорста, которые были живы к этому времени. Позвонил Стиву Джадду, занимавшему кресло директора Департамента развлечений Министерства культуры Эстонии.

Джадд не понравился ему сразу: одутловатостью, ощутимой *сытостью*, бегающими глазками и полупрезрительной складкой губ. Он долго ходил вокруг да около, дважды уточнял, кто звонит (Игнату пришлось показать удостоверение сотрудника Службы, хотя и с другой фамилией), а потом вдруг признался, что имел с Хорстом короткий разговор.

– Значит, он вам все-таки звонил, – хмыкнул Игнат. – Когда? О чем вы говорили?

– Да ни о чем. – Глазки Джадда вильнули. – Он предлагал встретиться, вспомнить друзей, повеселиться.

– И все?

– Ну, в общем-то, все. Хотя нет, он сказал еще, что у него есть какая-то идея и предлагал присоединиться к ее реализации.

– Что за идея?

– Не знаю, может быть, что-то связанное с его прежней

работой. Он ведь был очень хорошим математиком и ксенолингвистом.

– Больше он ничего не предлагал?

Джадд криво улыбнулся.

– Я сказал ему, что давно не занимаюсь наукой и мне его идея не интересна.

– Понятно. Что ж, спасибо за информацию, господин директор Департамента развлечений. Если вспомните что-нибудь еще, позвоните.

Игнат выключил линию связи, обдумывая поведение Стива при разговоре, и сделал вывод, что тот больше ничего не знает. Хорст не стал делиться своей идеей по видео, предполагая встретиться с бывшим приятелем в ресторане и обговорить детали какого-то плана тет-а-тет. Что он имел в виду, какую идею хотел реализовать, было непонятно. Хотя если судить по начавшейся охоте на бывших пограничников и безопасников, имевших причастность к двадцатипятилетней давности истории с «джиннами», именно эту идею Хорст и хотел предложить Стиву. А поскольку все нападения были совершены практически безошибочно, с очень тонким и точным расчетом, без оставления следов, было ясно, что Хорсту кто-то помогает, причем кто-то весьма и весьма опытный, знающий нынешние условия контроля за криминогенной обстановкой в мире и имеющий доступ к информационным и прочим ресурсам полиции, а то и Службы безопасности.

Поразмыслив на эту тему, Игнат дал задание аналитикам

проверить все связи бывшего узника ганноверского центра-
ла с сотрудниками спецслужб того времени, а сам собрался
лететь на Полюс Недоступности. И тут у него мелькнула за-
манчивая мысль взять с собой Лилию.

Во-первых, это было бы целесообразно с точки зрения
следствия, так как путешествующая пара менее подозритель-
на, чем целеустремленный индивидуал.

Во-вторых, Лилия могла заметить какую-то деталь, на что
сам Игнат не обратил бы внимания, что тоже было полезно
следствию.

Существовало и «в-третьих», о чем Игнат решил не рас-
суждать, потому что причины «во-первых» и «во-вторых»
проистекали из-за глубоко спрятанного эгоистического же-
лания произвести на девушку впечатление.

Внучка Гилберта Шоммера ответила на звонок сразу:

– Это вы? Доброе утро.

– Лилия, – набрал в грудь воздуха Игнат, – хотите рвануть
со мной на Полюс Недоступности?

– Куда? – удивилась девушка.

– В тридцати тысячах светолет от Земли в Рукаве Стрель-
ца существует планета Рачи-ка, на языке аборигенов, или
Полюс Недоступности.

– Я поняла, дед мне рассказывал о ней. Но ведь она за-
крыта для туристов?

– Уже открыта. На ней существовало кладбище «джин-
нов», гиперптеридских боевых роботов, которое недавно

взорвали.

– Кто взорвал?

– Это неизвестно. Я хотел бы посмотреть на то, что осталось от могильников, внутри которых содержались роботы. Мой отец был на Полюсе в те времена, когда планета была заблокирована спайдер-системой, и встретил там девушку, которая стала его женой и моей мамой.

– Как интересно!

– Правда? Так ты согласна? – Он не заметил, что перешел с ней на «ты».

– Ой, я не знаю. – Лилия не обратила внимания на его обмолвку. – Мне очень хочется, но...

– Что тебя держит?

– Я должна сдать работу.

– По УММу?

Лилия слабо улыбнулась.

– Нет, по практическому анализу социосистем на Земле. УММом я занимаюсь в свободное время, как теоретической проблемой, не связанной с насущными потребностями сегодняшнего времени.

– Неужели не можешь договориться с начальством и сдать работу на день позже? Давай я договорюсь.

Девушка снова показала свою удивительную улыбку, превращавшую ее в фею.

– Я попробую сама.

– Тогда я перезвоню через полчаса.

– Через час.

– Хорошо. – Игнат выключил мобик, чувствуя эйфорическое возбуждение. Заставил себя успокоиться. Согласие Лилии еще ни о чем не говорило. Хотя если бы он был ей совсем безразличен, она не вела бы себя так неуверенно.

Ладно, посмотрим, подумал он. Может быть, я себя обманываю. Как говорил один шутник: в действительности все происходит не так, как на самом деле. Работай давай.

Игнат связался с дежурным Управления по оперативному обеспечению:

– Подготовьте мне валидную линию метро на Полюс и негласное сопровождение. Я буду не один.

– Специфика? – осведомился скупой на мимику узколицый молодой человек.

Игнат заколебался. Посвящать кого-нибудь в свои планы он не хотел.

– Никаких тревожных ожиданий, без шума и пыли, только осторожное дистанционное наблюдение.

– Время?

– Через час.

– Принял.

Игнат посидел перед опустевшим виомом связи, катая между пальцами блестящий шарик релаксатора, потом соединился с информерами и полчаса изучал материалы по связям Ульриха Хорста, выкопанные инкониками Управления в базах данных всех доступных спецслужб.

Знакомых у Хорста практически не оказалось. Точнее, из всех, с кем он когда-то сотрудничал, путешествовал на Полюс Недоступности и на кладбище моллюсков, уцелели только трое: Стив Джадд, с которым Хорст пытался установить контакт, Марта Лярво-Фрейберга, доживающая свой век в психиатрическом диспансере в Латвии, и двоюродный дядя Ульриха по материнской линии Кельвин Кляйст. Остальные либо погибли еще двадцать пять лет назад, либо умерли своей смертью. Родители тоже умерли, как и ближайшие родственники, а с дальними он не встречался и не общался. Был жив еще дед Селим фон Хорст. Но, во-первых, дед во времена войн с «джиннами» работал в контрразведке СБ и принимал активное участие в нейтрализации деятельности Хорста-младшего. Во-вторых, Селим дважды проходил вынужденную структурную трансформацию, превращаясь в носителя психики (и возможностей, что звучало интригующе) Червя Угаага и иксоида. Вернее, работа иксоидов – моллюскара. И ожидать, что он станет сотрудничать с внуком, не стоило. С ним надо было встречаться, и Игнат наметил переговоры с ним в ближайшее время, после похода на Полюс Недоступности.

– Вот змейство, – сказал он вслух, изучив досье на Джадда (хитрый подонок и трусливый, его еще проверять придется), Кельвина Кляйста и Лярво-Фрейбергу. – Пустышка. С этими людьми Ульриху нет смысла связываться. Надо расширить круг поиска.

Он углубился в изучение списка сотрудников германской полиции и Службы безопасности, подозреваемых в контакте с бывшим узником тюрьмы, и в этот момент позвонила Лилия:

– Мне удалось договориться с Марком... это мой начальник. Он дал еще три дня отпуска. Когда мы летим на Полюс Недоступности?

– Как только ты соберешься, – сказал Игнат. – Обещаю интересное сафари.

– Я буду готова в одиннадцать. Где встречаемся?

– Ты живешь в Клину? Тогда возле первого клинского метро.

– Я сейчас в Институте, но к одиннадцати буду у клинского терминала. Кстати, откуда ты знаешь, что я живу в Клину?

Игнат хотел небрежно сказать, что знает о ней все, но вовремя остановился.

– У меня дедушка ясновидящий, нагадал, где ты живешь.

Лилия с сомнением окинула Ромашина взглядом, ее изображение растаяло.

– Откуда, откуда, – проворчал Игнат, – спросите тоже... Уж точно не от верблюда.

Без десяти одиннадцать он прохаживался у центрального пилона метро с буквой «М» на вершине.

Народ стекался к терминалу негустыми ручейками, но все же в центральном зале метро с его сотней кабин былолюдно. Вход и выход из зала были разделены, поэтому Игнат ждал

девушку у стартовой зоны, примерно представляя, с какой стороны она появится.

Он не ошибся. Лилия высадилась из такси в транспортной зоне терминала, подошла ближе, оглядываясь, и увидела Игната. Заулыбалась, помахала рукой, подбежала. Стройная, тоненькая, глаза на пол-лица. И безумно красивая улыбка!

Игнат, одетый в спецкомбинезон класса «кокос», замаскированный под обычный уник, едва не заключил девушку в объятия, с трудом уговорив себя этого не делать. Строго оглядел ее фигуру. На Лилии был стандартный туристический уник, предназначенный для недолгих походов по пересеченной местности, сумка через плечо. Ни о какой герметизации и пребывании в космосе, надев такой костюм, мечтать не приходилось. Но ведь и он не мог сказать спутнице, что их сафари не является легкой прогулкой по речному берегу.

– Что-нибудь не так? – заметила она его взгляд.

– На месте экипируемся, – махнул он рукой, отбирая у нее сумку. – Все же Полюс Недоступности – не совсем обычная туристическая Мекка. Я уже предупредил друзей, чтобы они приготовили нам все необходимое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.